

904270

cc

ВЛАДИМИР АРИНIN

Оранжевая звезда
сказки
фантазии

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ
К Н И Ж Н О Е
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1 9 7 9

ВЛАДИМИР АРИНИН

РАНЖЕВАЯ
ЗВЕЗДА

С К А З К И
И
Ф А Н Т А З И И

P2
A81

Аринин В.

A81   Оранжевая звезда. Сказки и фантазии. [Для
мл. школьного возраста. Архангельск], Сев.-Зап.
кн. изд-во, 1979.
127 с. с пл.

Владимир Аринин пишет и стихи и прозу. В Северо-Западном книжном издательстве уже вышли две его книжки для детей: «Сказки Черноглазки» и «Атлантида». В новой книге юные читатели найдут повесть-сказку «Оранжевая звезда» об увлекательном путешествии в космос, а также другие сказки, рассказывающие о происшествиях необычайных и удивительных.

0762—035
A   1—35—79
M157 (03)—79

P2

НИЧЕГО ОБЫКНОВЕННОГО

Обыкновенный день. За окном — обыкновенные дома, деревья, обыкновенные прохожие. Все так знакомо и привычно. И в этом нет ничего плохого. Так уже все устроено.

Но признайся мне, мой маленький читатель, тебе хочется чего-то удивительного, необычного? А? Признайся!.. Ну, конечно, хочется.

Например, интересно бы взлететь в космос — к далеким таинственным звездам. Или опуститься на дно моря. Или перенестись в далекое прошлое...

Хочется?.. А, знаешь что, почитай-ка внимательно эту книжку, которую ты уже начал читать. В ней пойдет речь и о космосе, и о море, и о далеком прошлом, и еще о многом другом. Не знаю, понравится ли тебе эта книжка, но даю честное-пречестное слово: в ней нет ничего обыкновенного.

Да, да, ничего обыкновенного.

Оранжевая звезда

Повесть-сказка

Эта сказка началась у меня с воспоминания о давнем школьном спектакле и двух девочках-близнецах — Тане и Гале. Внешне Таня и Галя были очень похожи друг на друга — сразу их и не различишь, а по характерам они совсем разные.

Галя играла в том спектакле роль принцессы. В длинном белом платье, с маленькой короной из серебряной бумаги на голове, тоненькая и нежная, она на самом деле была как принцесса.

А вот Тане в спектакле роли не нашлось. Руководитель нашего драмкружка сказал: «Я ее на сцену не пущу. Она нам все представление сорвет».

Характер у Тани был такой, что она ни минутки спокойно не посидит. И вокруг нее всегда — шум, смех.

Перед началом спектакля Таня, конечно, явилась к нам за кулисы. Она делала сто дел сразу: перетаскивала декорации, помогала гримироваться исполнителям, подшивала на принцессе платье.

Попутно она расправилась с двумя мальчишками. Они решили залезть на сцену: что, мол, вы, артисты, тут делаете. Таня мгновенно схватила того и другого за шиворот, развернула и выставила за занавес.

Но и нам она покоя не давала. Устроила такую беготню и суматоху, что мы ей пригрозили — тоже выставим. Но попробуй выстави ее!

Спектакль начался. В первом действии для обеда в королевском замке нужна была тарелка супа. Тарелка с настоящим супом стояла пока на стуле за декорацией, изображав-

шёй дворцовую стену. Так вот Таня ухитрилась сесть на этот стул. Представляете, она села в тарелку с супом! А мы не знали, что нам делать — плакать или смеяться. Пришлось мне выносить на сцену пустую тарелку.

Все же спектакль прошел хорошо. Мы были рады. И Таня тоже радовалась вместе с нами. И кричала: «Ура!»

Ничто не предвещало тогда беды. А беда была рядом...

Это случилось на следующий день. Вместе с одноклассницами Таня пошла купаться. А на нашей реке есть высокий обрыв — с него даже мальчишки боялись в воду прыгать.

Но Тане хотелось спрыгнуть с обрыва. Она об этом часто говорила.

В тот день она прыгнула вниз. И не всплыла... Высота оказалась слишком большой.

Конечно, мы до сих пор помним Таню. Мы любим ее и всегда будем любить. И эта повесть-сказка посвящена ей, Тане, веселой и живой, как огонь. И ее сестре Гале, светловолосой девочке из моего детства.

Глава первая

В далеком будущем

Временами мне кажется, что когда-нибудь в будущем, через сто или двести лет, я снова появлюсь на свете. Не знаю почему, но я в это верю. Ведь не могу же я исчезнуть совсем! Разве это можно — не быть...

И мне представляется, что я снова, как в детстве, живу в нашем маленьком городке, в доме на окраине. И снова я тот же белобрюхий мальчишка из четвертого «Б» класса.

...Утром я проснулся раньше всех. Солнце уже встало, но в доме было тихо, все еще спали.

Я вышел во двор. Хорошо на солнышке! Только чем бы заняться?

Я посмотрел на пустырь за нашим домом. Может, погонять мяч? Я любил футбол, любил играть центром нападения. До чего же хорошо прорваться, с ходу врезать мячом по воротам соперника и видеть — вратарь булыхнулся, но уже поздно... гол!

Однако в футбол играть было не с кем, ведь другие мальчишки еще не встали — засони. А одному гонять мяч неинтересно.

Может, на речку сбегать? Искупаться? Но пока холодновато, в воду не тянет.

Тогда вот что... Прокачусь-ка я на велосипеде за город! И верно!

Я отрезал кусок хлеба потолще, сунул его в карман, достал из сарайчика свой старенький велосипед — и поехали!

На улицах было пусто. Выбравшись за город, я изо всех сил давнул на педали и так рванулся вниз по шоссе со склона, что дух захватило. Здорово!

Потом сбавил скорость, поехалтише, огляделся. Впереди — шоссе, степь, холмы. Степь такая же, как и прежде, и холмы такие же: крутолобые, в синей дымке. Вроде бы ничего особенного не изменилось.

А сам-то я изменился? Внешне вроде бы нет: такой же, как раньше, тощий, светлые волосы давно не стриженены, ложматятся. И все же в чем-то я уже другой: чувствую себя мальчишкой, а думаю как взрослый. Наверное, вернуться полностью в детство все же нельзя...

А посмотреть со стороны — катит по шоссе на велосипеде обычновенный мальчишка, худой и белобрысый. И никто не знает, что я уже умею рассуждать как взрослый.

Но что это за шум? Что-то летит по небу, большое, сверкающее, и опускается вдали. Может, самолет? Нет, на самолет не похоже. Ракета? Может, ракета. Но откуда она? Любопытно...

Я свернулся с шоссе и, спрыгнув с велосипеда, повел его рядом с собой. Ярко светило солнце. Плыли над головой белые перистые облака. Внизу в траве весело и задорно стрекотали кузнечики.

Я вошел в березовую рощу, в которой не раз бывал раньше. Я любил бродить здесь меж деревьев, пить воду из крохотного родника. Какая вкусная и студеная вода в этом роднике!

В залитой солнцем роще было тихо, спокойно. Щебетали птицы. Покачивали своими головками ромашки.

— Тук-тук-тук! — я не сразу понял, что это стучит мое сердце.

Прямо передо мной за деревьями — как поверить собственным глазам? — возвышался космический корабль. Да, — теперь я уже не сомневался — это был космический корабль. По форме он напоминал огромный нераскрывшийся цветок на цилиндрических стойках. Сверкающую на солнце оранжевую поверхность корабля покрывали какие-то сложные узоры: спирали, треугольники, зигзагообразные сочетания линий. Сверху смотрели два круглых глаза-иллюминатора.

Медленно подходил я к кораблю, ожидая, что каждый миг из корабля могут выйти космонавты. А вдруг в нем пришельцы из космоса, жители другого мира? Мне стало страшно. Захотелось повернуть назад и бежать без оглядки. Но постепенно страх исчез, и я приблизился к кораблю.

Люк оказался на уровне моей груди. Сбоку имелась кнопка. Я не удержался и нажал на нее.

Створки бесшумно раздвинулись, как бы приглашая войти в корабль. Я всмотрелся — внутри никого. Видна только металлическая лестница, ведущая вверх.

Я оглянулся — вокруг тоже никого. Поколебался. А... пусть будет то, что будет. И я вошел... Створки так же бесшумно, как открылись, сошлись за моей спиной.

Снова стало немножко страшно. Но я не поддался страху. По ступеням лестницы я поднялся внутрь корабля и как-то сразу успокоился.

Знакомство с кораблем

Я обошел весь корабль, переходя из отсека в отсек, и никого не встретил.

Это было сложнейшее сооружение. И вот что удивляло: каждый предмет на корабле, каждый прибор или вещь — всеказалось похожим на листья или цветы. Я как будто попал в металлический сад или лес.

Но где хозяева корабля? В кладовой, занимавшей нижний отсек, были большие запасы продуктов. Но к ним вроде бы никто не прикасался. Почему? И откуда взялся этот корабль? Кто прилетел в нем на Землю?

В отсеке, видимо, предназначенном для отдыха, было уютно. Желтые круглые светильники — они напоминали красивые цветы, которые всегда росли в нашем саду перед домом, — излучали мягкий свет. Большую часть стены занимал плоский экран в виде большого круглого листа зеленоватого цвета.

Я включил рубильник перед экраном. Раздалась тихая мелодия. Экран засветился. На нем появилось изображение.

Я увидел на экране два солнца: одно — большое оранжевое, другое — маленькое голубое. К ним приближалась планета, похожая на нашу Землю. Но Земля кажется голубоватой, если смотреть на нее из космоса. А неизвестная планета казалась оранжевой. Я видел ее горы и леса, моря и реки, поля и луга, города и селенья, — и все это было оранжевого цвета.

Вот показался какой-то дворец. Слева от него — озеро и густой темный лес. Справа, в некотором отдалении — большой город.

А вот и его жители... Таких существ я никогда не видел, не представлял даже и теперь жадно вглядывался в них.

Они напоминали людей, но вместе с тем походили на цветы. Полулюди, полурастения — таковы были здесь жители.

Я выключил рубильник. Изображение на экране погасло.

Мне очень захотелось увидеть на самом деле оранжевую планету, оказаться на ней...

Я прошел в отсек управления. Сложнейшие приборы здесь образовали металлические переплетения, похожие на заросли. Рычаги управления свисали сверху, напоминая ветви.

Волнуясь, я взялся за самую крупную ручку. Похолодев от собственной смелости, замер на миг... И дернул ее вниз.

Корабль слегка вздрогнул. На приборах замигало несколько лампочек — зеленых, красных, желтых, оранжевых.

Я дернул ручку сильнее. Послышался легкий звон. Корабль начал медленно вращаться.

Я схватился за рычаг рядом, чтобы не упасть. Рычаг повернулся, и я почувствовал: корабль, вращаясь, начинает подниматься...

И я на борту корабля!

Г л а в а в т о р а я

На оранжевой звезде

Однажды на рассвете главный астроном на Оранжевой звезде — имя его Люпин — пережил большое потрясение. В ту ночь он спал мало, потому что ночью долго наблюдал в телескоп за звездами. И хотя Люпин не обнаружил ничего нового, — а всего нового он очень боялся, — спалось ему тревожно и неспокойно. Ему приснился неприятный сон: как будто он, Люпин, опутан какими-то нитями и кто-то дергает его за эти нити, как куклу-марионетку.

Проснувшись, Люпин накинул халат, сунул ноги в стоптанные тапочки и вышел на балкон. Было еще довольно темно; луга, сады, дальние горы и оранжевая столица, расположенная у их подножья, — все окутано полумраком.

«Наверное, я спал всего час или два», — вздохнул Люпин. Осторожно, стараясь не шуметь, прошел он мимо комнаты дочерей. Озорная Астра и мечтательная Хризантема, конечно, еще спали.

По крутой винтовой лестнице Люпин, тяжело дыша, поднялся в самую высокую башню дворца. Войдя в нее, он остановился перевести дыхание. Взгляд его задержался на небольшом портрете, висевшем на стене. Это была искусно выполненная фотография профессора Мaka, которого Люпин считал своим учителем. Прежде чем подойти к телескопу, Люпин всегда задерживался около портрета Мaka и даже... говорил с ним.

— Уважаемый профессор, — произнес и на этот раз Люпин, — ответьте мне, почему вы предложили в свое время пе-

реименовать нашу Оранжевую планету в Оранжевую звезду? Ведь это не совсем правильно: планета и звезда — разные понятия.

Профессор Мак молча смотрел на него. Люпин вздохнул.

— Молчите? Вам нечего ответить? — снова обратился он к профессору, хотя прекрасно знал, что портреты не умеют разговаривать. — Но я догадываюсь, в чем дело... Вам нравилось само название — звезда. И другим оно понравилось. И нашу планету переименовали в Оранжевую звезду. Давно это было. Давно, профессор Мак, вас нет на свете. А я продолжаю наблюдать за звездами... Но мне неуютно живется, профессор! А что делать?

Люпин горько усмехнулся. Потом он прильнул к телескопу. Бесконечные звездные пространства распахнулись перед ним. Звезды сияли так, что, казалось, они способны взволновать любое сердце. Но Люпин давно приучил себя к тому, чтобы не волноваться.

Он вглядывался в космические глубины, сверяя обычное расположение крупнейших звезд и созвездий. Но что такое? Люпин не поверил самому себе. Одна из звезд пришла в движение, она двигалась, она приближалась...

«Я, наверное, еще не проснулся, — подумал Люпин. — Ведь не может же звезда приближаться ко мне!»

Но Люпин, разумеется, не спал. Снова и снова вглядываясь в телескоп, он убедился, что звезда действительно двигалась к нему.

И тогда Люпин понял: это не звезда, это — космический корабль.

Напряженно всматривался он в приближающуюся светлую точку, которая росла на глазах, все увеличиваясь в размерах. Потом в страхе метнулся вниз по лестнице. Одна тапочка слетела с его ноги, и он даже этого не заметил.

Люпин чуть не сорвался с лестницы, во всяком случае, последние четыре ступеньки он, упав, прокатился на спине. Хорошо еще, что упал он на мягкий ворсистый ковер и потому не очень ушибся.

Вскочив на ноги и шлепая одной тапочкой, Люпин побежал в центральную часть дворца. Охрана знала его и потому всюду беспрепятственно пропускала.

Но около спальни правителя Оранжевой звезды его остановили. Высокие и плоские, одетые в зеленые колючие мундиры солдаты-кактусы с карабинами в руках загородили ему дорогу. Подошел дежурный офицер-кактус, толстый, шарообразный, весь в колючках, и спросил:

— В чем дело, астроном Люпин? Разве вы не знаете, что правитель Пырей изволит спать?

Оранжевой звездой правил могучий Пырей. Все придворные знали, что Пырей страдает бессонницей. Иногда он не спал несколько ночей напролет. А когда с вечера засыпал, то будить его было небезопасно. Этим можно было навлечь на себя сильный гнев.

Люпин все это знал и все же с настойчивостью обратился к офицеру:

— Я прошу разбудить правителя. У меня сообщение чрезвычайной важности...

Шарообразный офицер заколебался.

— Нельзя терять ни минуты! — наступал на него Люпин.

— Вы будете отвечать...

Шарообразный офицер подал знак, солдаты-кактусы расступились, и Люпин вошел в спальню правителя.

В спальне горел ночник. Раздавалось густое храпение.

— Великий правитель Пырей, — робко произнес Люпин. —

Прошу простить меня.

— А... Что? А... — раздалось бормотание из-за занавеса, закрывавшего кровать правителя. Затем занавес распахнулся, и правитель, сидя на кровати, испуганно закричал: — Кто здесь? Ни с места! Стреляю!

Пырей выхватил из-под подушки пистолет и направил его на Люпина. Теперь пришла очередь пугаться астроному.

— Это я! Люпин! — взвизгнул он.

— Ах, это ты... — начал успокаиваться Пырей, но тут же раздраженно набросился на астронома: — Как ты смел меня разбудить? — спросил он не обещающим ничего хорошего тоном.

— Умоляю простить меня, — залепетал Люпин. — Но произошло...

— Что произошло? — перебил его Пырей.

— К нам летит космический корабль.

— Не может быть! — возмутился Пырей.

— Корабль в эти минуты приближается к Оранжевой звезде.

— Но ведь это запрещено! — грозно поднялся Пырей. — Я сам это запретил!

— Он должен опуститься где-то недалеко от дворца, — сказал Люпин, не смев поднять глаз на правителя.

Академик Укроп

«—Бум! Бум! Бум!— бьет барабан. Развевается знамя с изображениями Солнца и крупной Розы. Идет отряд.

Отряд идет сражаться с теми, кто поднимает знамя с изображениями Луны и Лилии. Предстоит большое сражение. Королева Роза объявила войну королеве Лилии.

— Бум! Бум! Бум! — бьет барабан. Старушка Укропина, под зонтиком и сама похожая на зонтик, машет сыну-барабанщику на прощанье сухонькой рукой. А сын — молодой Укропчик идет впереди, он счастлив.

— Бум! Бум! Бум! — бьет барабан».

Сколько времени прошло с тех пор! Укропчик вырос и, более того, уже состарился. Сейчас он — старый ученый, академик Укроп. Он занят многими научными проблемами. Да, он очень и постоянно занят... Но иногда темными ночами к нему как будто возвращается прошлое, и ему начинает казаться, что снова раздается боевая дробь его барабана. Тогда академик Укроп, забыв о науке, пишет свои воспоминания. Вот и сегодня он проработал над рукописью почти всю ночь. Он чувствует, что устал. Надо хоть немножко поспать.

«Вот допишу страницу — и на сегодня хватит», — думает он. А написать надо о том, что теперь находится под запретом. Только память запретить нельзя. И Укроп вспоминает...

«Это было волнующее время, — пишет он. — Королева Роза и королева Лилия поспорили, кто из них прекрасней. «Я люблю все яркое, солнечное. Я сама как Солнце», — говорила Роза. «А я люблю лунные лучи — они таинственны, они обещают что-то необычное», — говорила Лилия.

Обе королевы были прекрасны, и никто не хотел уступать. Я был тогда молод. Я был ослеплен Розой и нарисовал на своем барабане Солнце. Я еще не знал тогда, что и лунный свет — это тоже красиво. Жаль, что началась война. А в результате откуда-то появился гадкий Пырей, и именно он стал победителем, именно он захватил власть».

Укроп отложил перо, взглянул в окно. Уже рассвело. Надо прилечь.

Но, к своему удивлению, Укроп услышал чьи-то шаги и какие-то шорохи за стеной. Там, в соседней комнате, хранилась коллекция старинного оружия: шпаги, ружья, пистолеты. Там же стоял барабан, когда-то принадлежавший юному Укропчику. Перестав быть барабанщиком, Укроп стал

страстным коллекционером и только самым близким друзьям показывал свою коллекцию — так он ею дорожил. Но кто бы мог быть сейчас в этой комнате? Ведь академик жил один.

Укроп поспешил спрятать свою рукопись, открыл дверь и шагнул через порог в комнату... Свежий порыв ветра дунул ему в лицо.

Включив свет, Укроп увидел на столе придавленный лист бумаги. Ничего не понимая, он взял этот лист и прочитал поспешные, по-детски крупно выведенные буквы: «Пистолет верну через неделю. Он мне нужен». И все. И никакой подписи.

Укроп взглянул на ковер на стене и сразу все понял: здесь должен висеть старинный пистолет. Но пистолета на месте не оказалось. Он исчез. Его украли.

За окном раздались какие-то звуки. Прислушавшись, Укроп понял — кто-то убегает. Наверное, вор убегает! С ловкостью прежнего барабанщи-

ка академик Укроп выпрыгнул в окно, закричал: «Стой!» — и погнался за вором.

Укроп жил в домике на окраине столицы. Мимо домика проходила дорога, и в рассветном полумраке было видно: вор убегает по этой дороге в сторону дворца.

Вор был маленько-го роста, но разглядеть его по-настоящему Укропу не удалось. «Догоню», — решил Укроп и изо всех сил побежал вслед за вором.

Но тут полутемное небо перечеркнула огромная светлая полоса, что-то загрохотало, и удивленный академик застыл в изумлении. Он отчетливо видел: недалеко от дворца что-то большое и странное опускается с неба.

Академик Укроп понимал толк в летающих аппаратах.

— Кажется, к нам прилетел космический корабль, — вслух произнес он, забыв о похищенном пистолете.

Так на Оранжевой звезде начались невероятные события.

Глава третья

Пришелец из космоса

Даже не рассказать, каким трудным был для меня космический полет. Ведь я... не космонавт, не герой.

Сначала я был в восторге. Еще бы — путешествовать в космос! Но скоро восторги кончились. Начались трудности, опасности. А трудней всего было, пожалуй, то, что постоянно знал, постоянно чувствовал — я совсем один. Вокруг никого. Лишь пустота и мрак. И тишина.

Такая стоит тишина, что хочется закричать. Хочется зорять изо всех сил. Но что толку... Кричи, не кричи — никто не услышит.

Иногда мне казалось, что я лечу не по тому пути, и хотелось вернуться на Землю. Но возвращаться было уже поздно.

Оставалось одно — двигаться только вперед. И вот она передо мной — Оранжевая звезда...

На борту корабля имелось несколько фильмов и книг об Оранжевой звезде. По ним я изучил язык жителей этой планеты и был готов к встрече с ними.

Корабль пошел на снижение. Стоял сильный шум то ли в корабле, то ли просто в ушах. Вдруг — толчок. И тишина. Хочу встать с кресла из-за пульта управления и не могу. Всё тело стало как ватное. Вот тебе прилетел!

Я вытянулся в откидном кресле, закрыл глаза и долго приходил в себя. Но как только силы стали возвращаться ко мне, встал и, еще шатаясь, пошел к выходу.

Нажал кнопку. Дверь корабля распахнулась, и я чуть не упал от свежего ветра.

Было раннее утро. Два солнца — оранжевое и голубое — вставали из-за гор. Передо мной были луга и кустарники. За ними возвышался дворец, вдали виднелся большой город.

Здравствуй, Оранжевая звезда! Так долго я летел к тебе... Какая ты красивая, Оранжевая звезда!

Я выпрыгнул из корабля — и увидел... наставленные на себя карабины. Раздалась чья-то команда, и солдаты-кактусы окружили меня, цепко схватив за руки.

— Вы чего? Чего надо? — закричал я, почувствовав себя обычным мальчишкой. Кого-то из кактусов лягнул ногой, кого-то укусил, пытаясь вырваться, и опять закричал: — Чего надо?

Мне никто не ответил. Снова раздалась чья-то команда, и меня потащили к стоявшей невдалеке закрытой машине. Втолкнули в нее — в темноту. Я упал, стукнулся коленками. Вот ведь как встречают!

Машина тронулась. Меня куда-то повезли.

Астра и Хризантема

Высокая башня. Четыре больших окна. Помещение просторное и светлое. Из окон видно далеко вокруг. Перед глазами уже знакомый вид: луга, кустарники, дорога, вдали большой город и горы.

Дворец и другие дворцовые башни окружены стеной. На внутренней площади мой космический корабль. Я видел, как мощные машины приволокли его сюда на тросах.

Я тоскливо гляжу на корабль сквозь оконные решетки. Правда, они красивые — фигурные, узорчатые, но все же решетки. Прошло уже несколько часов, как я заперт в башне. Что же будет?

Но вот за дверью раздались чьи-то шаги. Звякнул ключ. Дверь открылась. Я прижался к стене. Кто войдет? Опять солдаты? Может, придется драться? Конечно, мне с ними не справиться. Они сильнее.

Но ничего страшного не случилось. Вошли две девочки. Вернее, не просто девочки, а девочки, похожие на цветы.

Я удивился. И мне даже стало обидно — присылают ко мне каких-то девчонок. А я даже на Земле с ними никогда не ладил.

Мы смотрим друг на друга и молчим. Одна из вошедших — с золотыми длинными волосами, вся в белом. Она — красивая, тоненькая, очень волнуется.

Вторая — в розовом платье, нос вздернут, смотрит весело, смело, с любопытством. Она первая нашлась и сказала:

— Спокойной жизни!

Я уже знал из книг, прочитанных в космическом корабле, что так приветствуют друг друга жители Оранжевой планеты.

— Спокойной жизни! — ответил я.

— Меня зовут Астра, — сказала девочка в розовом платье. — А ее, мою сестру, — Хризантему. Мы пришли с вами познакомиться.

Я назвал свое имя.

— Откуда вы? — спросила Астра.

— Я с планеты по имени Земля.

— А далеко она отсюда? — это снова спросила Астра.

— Еще как далеко! Колossalно далеко отсюда. Земля — на самом краю Галактики.

— Ничего себе, — присвистнула Астра.

— Почему меня арестовали? — спросил я.

— Потому что вы нарушили наши законы, — ответила Хризантема.

Ее голос был певучий и музыкальный. И выглядела она чересчур серьезной — ну прямо как взрослая!

Она объяснила мне, что жители других планет не имеют права прилетать на Оранжевую звезду. По местным законам это считается большим преступлением.

— А жителям Оранжевой звезды даже думать запрещено о космических полетах, — сказала Хризантема.

— Но почему? — удивился я.

— Это легко объяснить. Послушайте меня внимательно... И вот что она мне рассказала... Оказывается, уже много лет назад великий ученый Оранжевой звезды Мак установил, что местные жители не могут подниматься в космос. Их тела слишком хрупки и не выдерживают космических нагрузок. Поэтому космос для них — верная смерть.

— Ах, вот в чем дело, — я был озадачен. — Но почему другие не имеют права к вам прилетать?

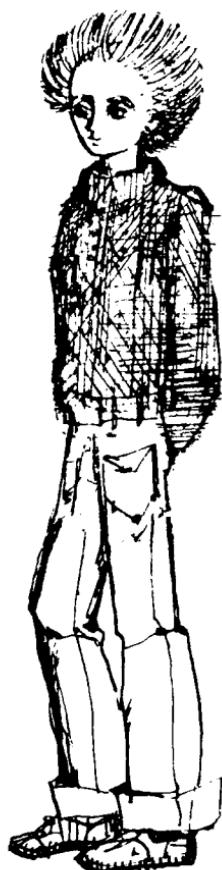
— Это объяснить сложнее, — опять совсем по-взрослому сказала Хризантема. — Но постарайтесь понять меня...

И вот что я узнал: на Оранжевой звезде идет спокойная мирная жизнь. Здесь всего в изобилии: фруктов, воды, солнца. Чего же еще? Зачем местным жителям космос? Каждый знает, что космос бесконечен и страшен.

А другие миры, другие планеты? Нет, не нужны жителям Оранжевой звезды встречи с другими мирами. Ведь неизвестно, каковы они — обитатели чужих планет. Может быть, они принесут с собой войны, болезни? Поэтому всем инопланетным существам строго запрещено прилетать на Оранжевую звезду, чтобы не нарушить здесь спокойную жизнь.

В словах Хризантемы было что-то заученное. Она произносила их как вызубренный урок.

— Мы на Оранжевой звезде живем просто и хорошо, — еще раз повторила Хризантема и опустила глаза, как будто ей было чего-то стыдно.

— Только скучно, — совершенно неожиданно добавила ее сестра Астра.

Она состроила гримасу, показывая, как ей скучно, но, не выдержав, расхохоталась.

— Веди себя прилично, — одернула сестру Хризантема и снова обратилась ко мне: — Нам пора.

Попрощавшись, они пошли к двери, но около двери обернулись. Я увидел: Хризантема неожиданно утратила свой строгий вид и улыбнулась приветливо и тепло, а Астра весело подмигнула мне.

Сестры вышли. Я остался один. Нет, не понравилось мне то, что они говорили. Но сами они вроде бы неплохие девчонки. Вот и разберись...

Конечно, я не подозревал тогда, что за нашей встречей внимательно наблюдали через специальное, тщательно замаскированное окошечко в стене правитель Пырей и звездочет Люпин.

Они слышали каждое слово нашего разговора. Они подслушивали и подсматривали. Это они подослали ко мне сестер и объяснили Хризантеме, что она должна говорить.

Ночью во дворце

Глухая черная ночь. Дворцовая стража бодрствует, расхаживая у ворот и вдоль стены. Тишина.

Вдруг солдаты-кактусы встрепенулись, вскинули карабины. Но тревога оказалась напрасной: всего-навсего стая крупныхочных птиц опустилась на крышу дворца.

— Из Дикого леса прилетели, — сказал один из охранников.

— Наверняка оттуда, — подтвердил второй. — Видишь, уродливые-то какие...

— Говорят, — вступил в разговор третий охранник, — в Диком лесу много страшного и непонятного...

Солдаты-кактусы заговорили вполголоса о Диком лесе. Каждый говорил свое. Один утверждал, что в Диком лесу скрыта какая-то тайна. Другой уверял, что там живут непонятные существа-уроды. Третий сообщил, что великий правитель Пырей собирался сжечь Дикий лес, ведь это — единственная неосвоенная местность на Оранжевой звезде.

Разговоров о Диком лесе среди жителей Оранжевой звезды было много. Но никто ничего по-настоящему о нем не

знал, так как никто из них в Диком лесу не был. Жители Оранжевой звезды боялись туда ходить.

Дикий лес начинался за Тихим озером недалеко от дворца и занимал большое пространство. Иногда после заката из Дикого леса прилетали ночные птицы, но вскоре улетали назад.

Вот и сейчас, покричав, птицы взлетели с крыши дворца и скрылись во мраке. Броде бы ничего и не произошло. И все же какая-то тревога затаилась во дворце.

В своем кабинете на третьем этаже правитель Пырей с беспокойством взглянул в окно. Но за окном была чернота ночи, и, конечно, он ничего не увидел.

— Мне кажется, — сказал Пырей, — кто-то летает около окна.

— Это — ночные птицы, — успокоил его Люпин. — Они уже улетели.

— И все же... — хотел, видимо, что-то сказать Пырей, но так и не сказал. Отойдя от окна, он сердито спросил у Люпина: — Так что же в конце концов мы будем делать с этим самым... как его... с пришельцем из космоса?

— Надо подумать, — ответил Люпин и отвел взгляд в сторону.

— А надо ли раздумывать? — рассердился Пырей. — Уничтожить его, и все... Чтобы и следа не осталось.

Астроном Люпин съежился от слов правителя. Пырея он очень боялся, хотя и был его ближайшим советником.

Люпин всегда высказывал лишь такие мысли, которые были угодны Пырею. Все то, что не нравилось Пырею, он считал вредным. «Великий правитель Пырей всегда прав», — говорил он и верил в это.

Сегодня Люпин впервые осмелился высказать собственное мнение и попытался убедить правителя в том, что пришельца из космоса уничтожать не нужно.

— Великий правитель Пырей, — сказал он, — велика твоя сила и велика твоя мудрость. Под твоим правлением Оранжевая звезда живет счастливой жизнью, и мы не хотим ничего иного. Нам не нужны полеты к звездам. Но стоит ли опасаться этого одного-единственного пришельца из космоса? Ведь он всего-навсего мальчишка!

— Э... нет, не такой уж он мальчишка, — пробормотал Пырей. — У него взрослый взгляд.

— Все равно он мал и слаб, — продолжил Люпин. — И опасности, по-моему, не представляет. Более того, я предлагаю обратить его прилет нам на пользу. Пусть этот мальчиш-

ка расскажет всем жителям Оранжевой звезды, как страшен и опасен космос. Не уничтожай пришельца, правитель!

Пырей задумался и надолго. Наконец сказал:

— Я соглашусь с твоим советом, Люпин, и пока не уничтожу пришельца. Но берегись, если ты дал мне неверный совет.

В дверь кабинета постучали.

— Кто там еще? — прорычал Пырей.

— Великий правитель, — в открывшуюся дверь просунулась голова шарообразного офицера, — вам срочное донесение.

— От кого? — спросил Пырей.

— От вашего агента, — последовал ответ, — от Пиона-шпиона.

Шарообразный офицер-кактус вытянулся по стойке «смирно» и протянул донесение. Люпин взял его и передал Пырею.

— Так... — мрачно произнес Пырей. — Видно, что-то уже случилось. Не связано ли это с пришельцем?

Он начал читать донесение, мрачнея все больше и больше.

Историк Бессмертник

В ту ночь в кабинете старейшего жителя Оранжевой звезды известного историка Бессмертника долго горел свет.

Бессмертник писал. Выключив электричество, он писал при свете свечи. По давней привычке при свечах он чувствовал себя как-то уютнее. Ему даже писалось лучше.

Если какому-то запоздавшему путнику приходилось проходить или проезжать мимо дворца, он взглядом находил его светлевшее во мраке окно и думал: «Наш Бессмертник, наш историк не спит, он работает».

Бессмертника знали все. По его учебникам учились дети. Его историческими сочинениями зачитывались взрослые. Но в последние годы Бессмертник писал о делах Пырея, восхваляя его на каждой странице. Правителя он называл самым великим, самым мудрым, самым смелым и самым добрым.

Бессмертник на всю жизнь запомнил далекое утро, когда он впервые познакомился в Пыреем. Произошло это много лет назад, Бессмертник тогда был молод и полон надежд.

В то памятное утро он как раз закончил первую часть древнейшей истории Оранжевой звезды и чувствовал себя счастливым. Улыбаясь и жмурясь от солнечного света, Бес-

смертник вышел из дома в сад и вдруг увидел на цветочной клумбе невзрачное мелкое растение, какой-то сорняк.

Бессмертник вырвал сорняк, однако не с корнем. Корень остался в почве.

Бессмертник сначала не придал этому никакого значения. Но потом, спохватившись, все же разрыл немного почву и попытался вытащить корень наружу. Оказалось, что сделать это очень нелегко. Бессмертник потянул изо всех сил, но вырвал только часть корня, а конец его так и остался в почве. «Однако, какой он все-таки неприятный, этот сорняк, — подумал Бессмертник. — И корень у него белый, как червь, скользкий и длинный. А крепкий — как резина! Кажется, это — пырей. Но стоит ли он внимания?.. У меня сегодня такой хороший день».

Бессмертник погулял по саду и ушел писать вторую часть своей древнейшей истории. А Пырей — он был тогда просто растением — так и остался в почве и продолжал быстро расти. Его корень пустил длинные белые отростки, и они вытеснили, задушили корни других растений. Цветы на клумбе стали вянуть и гибнуть.

Когда Бессмертник спохватился, было уже поздно. Правда, он попытался бороться с Пыреем: оборвет, бывало, все стебли сорняка на одном конце клумбы, а глядь — Пырей растет на другом ее конце. Сорвав Бессмертник сорняк и здесь, а Пырей уже вылез на середине клумбы. И Бессмертник отступил...

Победил Пырей. Уже вскоре он уничтожил все цветы на клумбе, а затем начал захватывать все новые клумбы и сады.

Был Пырей невзрачным растением, сорняком, но через некоторое время он стал сильным существом. И была у него твердая цель — уничтожать и захватывать, захватывать и уничтожать... «Уничтожай всех, или тебя уничтожат», — любил говорить Пырей.

Прошло несколько лет. Пырей захватил власть на Оранжевой звезде и стал правителем. Однажды он приказал солдатам-кактусам доставить во дворец Бессмертника.

«Теперь мне конец», — подумал историк, когда кактусы глухой ночью ворвались в его дом и повели его во дворец.

Несмотря на ночное время, Бессмертника доставили прямо к правителю. С ужасом смотрел историк на Пырея, который, встав из-за стола, приближался к нему.

— А-а, кого я вижу, какая встреча! — насмешливо произнес Пырей. — Да ведь это наш знаменитый историк Бессмертник! Мой старый знакомый... Помню, помню твой сад,

твою клумбу... Ну что ты дрожишь, Бессмертник? Смерти испугался? Не бойся. Я ведь добрый, я очень добрый. Об этом все знают, все говорят. Я тебя не уничтожу. Ты будешь писать мне историю. Только не так, как ты писал раньше, а совсем по-новому. Понимаешь, как тебе надо писать?

— Понимаю, — чуть слышно ответил Бессмертник и опустил глаза.

С тех пор Бессмертник жил во дворце. По окончании каждого дня он записывал в свою историю обо всем произошедшем за день.

И в эту ночь историк Бессмертник записал в своем труде:

«Сегодня был счастливый день, один из многих счастливых дней на нашей Оранжевой звезде. Благодаря великому правителю Пырею, ярко сверкал солнечный свет, текли реки, цвели цветы и пели птицы.

Правда, сегодня случилось происшествие: к нам, на Оранжевую звезду прилетел космический корабль. Великий правитель Пырей хотел сначала уничтожить пришельца из космоса, чтобы он не мог причинить ни малейшего беспокойства жителям Оранжевой звезды. Но затем по доброте сердечной, — а доброта правителя Пырея безгранична, — он согласился не уничтожать прилетевшего из космоса и посмотреть, как он будет себя вести».

Бессмертник перечитал написанное, глубоко вздохнул, и вдруг ему стало очень стыдно. Он повернулся к книжному шкафу, где стояли сто написанных им томов, и подумал: «Примерно половина из них написаны до того, как я узнал Пырея. А что я теперь пишу? Огонь... Мне нужен огонь».

Он взял в руки спичечный коробок, и, когда зажег спичку, лицо его просветлело.

Однако, поднеся спичку к раскрытой рукописи своего сто первого тома, Бессмертник испугался и задул огонь. Рукопись не успела загореться.

Бессмертник долго сидел в кресле и задремал. Засыпая, он думал: «Чего-то надо ждать... Что-то теперь будет! Обязательно будет».

Он заснул, и во сне ему снился очистительный свет какого-то огня.

Г л а в а ч е т в е р т а я

Пион-шпион

Уже после прилета космического корабля на Оранжевую звезду Пион-шпион, как всегда, бродил по столичным улицам, ко всему прислушиваясь, приглядываясь, принюхиваясь.

Пион обязан был обо всем увиденном и услышанном доносить правителю Пырею. Но в столице давно ничего особенного не происходило: никаких волнующих происшествий. И в тот вечер все было спокойно и обычно. Столичные жители после трудового дня гуляли в парках и скверах, сидели около своих домов на скамейках, разговаривали главным образом о погоде.

Некоторые из них собирались в театр на знаменитый спектакль под названием «В жизни все просто». Другие смотрели телевизионную передачу в тринадцати сериях. Передача называлась «Дважды два».

Открылся ночной ресторан, где посетителям в изобилии подавались молочные продукты: кефир, простокваша, кипяченое молоко. На открытой веранде ресторана играл эстрадный оркестр, и певичка Ромашка в коротенькой желтой мини-юбке пела модную песенку:

Мы говорим — прекрасен мир,
Поскольку в мире есть кефир.
Нам жить приятно и легко:
Мы очень любим мо-ло-ко!

Пион-шпион прослушал песенку и глубоко вздохнул: ничего интересного...

Пион происходил из старинного рода, известного своим благородством и красотой. Конечно, его далекие предки, темно-красные, розовые и белые Пионы не могли даже представить себе, кем станет их родственник при правителе Пырее. Признаться, и сам Пион-шпион первое время не слишком охотно выполнял возложенные на него обязанности. А потом ничего... привык.

Вот и сегодня ему очень хотелось отличиться перед правителем Пыреем. Оставалась одна надежда — Ночная Фиалка.

Да, красавица Ночная Фиалка вела себя подозрительно. Днем она была незаметна. Но вот ночью преображалась. В белом платье гуляла она в полночь по улицам, распространяя тонкий терпкий аромат духов, смеялась лукаво и громко пела, смущая покой городских жителей. За Ночной Фиалкой вполне можно было пошпионить. И Пион-шпион отправился к ее дому.

Красавица жила на уютной тенистой улочке. Окна ее дома ярко светились, но шторы были опущены. Пиону-шпиону подсмотреть ничего не удалось. Все же по тени на опущенных шторах Пион-шпион понял — Ночная Фиалка прихорашивается перед зеркалом, видимо, готовясь к ночной прогулке.

А в доме напротив окно оказалось распахнутым, шторы раздвинутыми. И было видно: за столом сидит известный поэт Василек и что-то пишет.

От нечего делать и на всякий случай Пион-шпион стал следить за поэтом.

Поэт Василек

Василек, не подозревая, что за ним наблюдают, старательно писал свое новое стихотворение. Правда, сначала он не знал, о чем писать, и, сунув палец в рот, как маленький, слегка пососал его. Такая у него была поэтическая привычка.

И вскоре к нему пришла тема. Глядя в распахнутое окно, Василек почувствовал приступ вдохновения. Он решил, что напишет именно про распахнутое окно. Но вскоре тема ему показалась слишком большой. Он решил ее сузить и написать про форточку. А почему бы про нее не написать? Тема небольшая, но полезная...

«Жила-была форточка», — написал поэт и глубоко засмался.

Сочинение стихов — очень непростое дело, даже очень сложное дело. Василек это всегда помнил. Он всегда ко всему внимательно присматривался. Зачем? Чтобы знать как можно больше. И особенно внимательно он присматривался к каждому красивому цветку — и к Ромашке, и к Маргарите, и к Незабудке, и к Гвоздичке. С каждой он старался знакомиться поближе и написать об этом хотя бы одно стихотворение.

У него была написана большая поэма и о Ночной Фиалке. Именно сегодня он собирался вручить красавице свое сочинение.

Но, разумеется, Василек писал не только о знакомых и незнакомых цветах. Он писал обо всем, что видел, что его окружало. Например, о столах и стульях, о шкафах и вешалках, о кастрюлях и тарелках, о ножах и вилках, об одежных, обувных и зубных щетках, о ботинках и галошах — всего даже и не перечислить. Так много интересного и полезного он видел вокруг себя.

Он не только правдиво описывал эти предметы и указывал, какую пользу они приносят, но и приукрашивал все это поэтической фантазией. И в тот вечер, сочиняя вдохновенные строки о форточке, он добавил в свое стихотворение довольно большую порцию фантазии. И стихотворение зазвучало:

Жила-была форточка,
В нее глядела мордочка,
А чья была та мордочка?
Кошачья ли, собачья ли?
Я этого не знаю
И просто повторяю:
Жила-была форточка,
В нее глядела мордочка.

Василек остался доволен своим сочинением и весело претрепал по холке стоявшего в углу кабинета деревянного коня Пегаса, приговаривая:

— И мы летать умеем. Да, да, да, да. И мы парить умеем. Да, да, да, да.

Стоявший в кабинете конь Пегас был крылатым. Ведь с являлся не простым игрушечным конем, а поэтическим. В бока коня были вделаны деревянные крылья. А на животе им

лось небольшое отверстие. И в него был вставлен ключ. Пегас был заводной.

Изобрел и построил Пегаса когда-то в старину благородный поэт Гиацинт. Он сам летал в прошлые времена на крылатом коне. А затем, уже после кончины Гиацинта, установился обычай: передавать Пегаса лучшему из живущих поэтов. Крылатый конь с тех пор сменил уже нескольких хозяев.

В конце концов правитель Пырей приказал передать Пегаса Васильку.

— Василек — наш лучший поэт, — сказал Пырей. — Он твердо стоит на родной почве. Он не мечтает о каких-то звездах и пишет то, что полезно нам всем. Пегас ему должен принадлежать по праву. А летать на этой лошадке и не нужно.

И Василек никогда не летал на Пегасе, никогда не заводил его. Поэт переименовал Пегаса в Пегасика — такое имя поэту казалось более приятным и домашним. Правда, в разговоре с некоторыми знакомыми — и с певицей Ромашкой, и студенткой Маргариткой, и красавицей Ночной Фиалкой Василек намекал, что иногда по ночам он садится на Пегасика и парит надо всеми в ночном небе... Поэту нравилось производить впечатление на красивые цветы.

Слухи об этом дошли до Пиона-шпиона. Конечно, Пион-шпион не поверил, что Василек может подниматься в ночное небо, но все же решил последить за поэтом. И теперь внимательно наблюдал за каждым движением Василька.

Но, как и следовало ожидать, Василек и не думал летать. Он только самодовольно трепал Пегасика за гриву и бубнил свое:

— И мы летать умеем. Да, да, да, да.

Вполне понятно, Пиону-шпиону стало неинтересно шпионить за Васильком. Совсем неинтересно. Но вдруг...

Появление бандита-карлика

Кусты в саду зашевелились. Из кустов появилась какая-то темная небольшая фигурка. Некто неизвестный подскочил к раскрытым окну, перепрыгнул через подоконник и очутился в комнате поэта.

Пион-шпион несколько секунд не мог прийти в себя от изумления. Но видел он все отчетливо.

На лице неизвестного — черная маска. Одет он в какой-то желтый балахон, на голове — широкополая шляпа, на но-

гах — сапоги-ботфорты, в руках — пистолет с широченным дулом.

— Я ужасный бандит-карлик, — произнес неизвестный дребезжащим голосом и, наставив на Василька, выпучившего от ужаса глаза, пистолет, строго спросил: — А ты кто?

— Я, я... я... поэт, — еле выговорил Василек. Он, разумеется, как и Пион-шпион, никак не мог взять в толк, что же происходит.

— Значит, это твой конь? — спросил бандит-карлик, кивнув на Пегасика.

— Да... нет, то есть да... мой, — забормотал поэт.

— Тогда садись на него и лети, — приказал бандит-карлик.

— Но зачем? Позвольте... зачем? — со слезами в голосе спросил Василек.

— Раз зовешься поэтом, лети, — приказал бандит-карлик.

— Не могу... Пожалуйста, не надо... — жалобно залепетал Василек.

— Лети, — ткнул в нос Василька пистолетом бандит-карлик.

Бедный поэт взобрался на Пегасика. Бандит-карлик наклонился и несколько раз повернул на животе крылатого коня ключ. Внутри у Пегасика что-то забулькало. Крылья его пришли в движение: вверх — вниз, вверх — вниз. Пегасик дернулся, сдвинулся с места, оторвался от пола — и взлетел.

Он сделал два круга вдоль стен кабинета и... вылетел в окно!

Поэт Василек судорожно вцепился в гриву, чтобы не упасть: Лицо у него было перекошено от страха. Взмахивая крыльями, Пегасик поднялся над садом, потом над крышей соседнего дома и взмыл в темную вышину, унося куда-то несчастного Василька.

Из распахнутого окна, кружась, летели листы со стихами поэта. А бандит-карлик весело и звонко смеялся. Потом он пропел такую песенку:

Надоело скучно жить!
Что еще мне натворить?
Буду я бандитом,
Бандитом знаменитым!
Буду скучу убивать!
Буду петь и хохотать!

Пион-шпион присел за забором, стараясь ничего не упустить. Надо же... какое невероятное происшествие! Такого в Оранжевой столице еще не случалось.

Когда бандит-карлик выпрыгнул из окна в сад, перелез через забор и направился по улице, Пион-шпион осторожно двинулся вслед за ним.

Пегасик лягается

Внизу сияли городские огни, вверху мерцали звезды. Пегасик хлопал крыльями, делал круг за кругом над городом и поднимался все выше и выше.

Крылатый конь словно ожил: он уверенно плыл в темной вышине, не обращая никакого внимания на седока.

«Что мне делать? Что делать?» — в панике думал поэт. Но так ничего и не придумав, начал жалобно просить:

— Пегасик, милый, спустись вниз! Пожалуйста, спустись...

Пегасик замотал головой.

«Неужели он будет подниматься еще выше? — испугался Василек. — Как подействовать на упрямое животное? — И тут поэту пришла мысль: ведь крылатый конь должен любить стихи. — А что если ему прочитать какое-нибудь стихотворение? Это может помочь... Должно помочь. Но какое стихотворение? Прочитать надо такое, чтобы сразу подействовало...»

Поразмыслив, Василек решил продекламировать Пегасику одно из своих самых лучших стихотворений. Оно называлось «Дребедень».

— Послушай, Пегасик, что я тебе прочитаю, — сказал поэт.

Пегасик чуть повернул голову. Ободренный этим, Василек начал декламировать:

Дре-бе-день! Дре-бе-день!
Дребеденила весь день!
Что тут было —
Наводила
Она тень на плетень.
Море солила,
А мыло мыла.
Сажу чернила,
А мел белила.
Только там, где есть работа,
Ей работать неохота.
Ей работать прямо лень!
Вот какая дребедень!

Василек рассчитывал, что стихотворение подействует на крылатого коня, и оно подействовало... Пегасик больно лягнул автора стихов левой задней ногой. Василек резко наклонился вправо и отчаянно закричал:

— Ой! Ты чего лягаешься? Ты чего так больно лягаешься?

И тогда Пегасик лягнул поэта правой задней ногой. Василек на миг выпустил гриву, не удержался и стремительно полетел вниз.

«Падаю! Падаю! Мне конец! Прощай, поэзия!» — только и успел подумать поэт.

Новые проделки бандита-карлика

С замирающим сердцем, прячась в тени деревьев, крался Пион-шпион за бандитом-карликом. А тот топал своими сапогами-ботфортами и, как ни в чем не бывало, напевал:

Надоело скучно жить!
Что еще мне натворить?

В это время на перекрестке стояли директор театра оперетты, молодящийся и всегда бодрый Одуванчик и наивная молоденькая Валерьянка. Директор Одуванчик уговаривал Валерьянку поступить в театр.

Он с жаром говорил:

— Я помогу тебе стать актрисой. Я тебя всему научу. А ты выходи за меня замуж.

Валерьянка, широко раскрыв глаза, бледнела, краснела и не знала, что сказать.

В этот миг к ним подошел бандит-карлик. В руке его был пистолет с широченным дулом.

— Не слушай его! — сказал он Валерьянке.

— Да как вы смеете?! — задохнулся от негодования директор.

Тут бандит-карлик высоко подпрыгнул и дунул на голову Одуванчика.

— Ах! — вскрикнула Валерьянка.

Шевелюра с головы директора Одуванчика мгновенно облетела, и он стал совершенно лысый.

— Какой вы старый! — воскликнула Валерьянка, как будто впервые увидела Одуванчика.

Она побежала прочь от старого директора. Одуванчик схватился за свою облысевшую голову и так и застыл. А бандит-карлик пошел по улице дальше. Пион-шпион двинулся за ним, продолжая вести наблюдение.

Пройдя примерно половину квартала, бандит-карлик остановился перед зданием, окна которого были ярко освещены. Здесь размещалось очень важное фикусовое учреждение и, несмотря на позднее время, продолжалось какое-то очередное собрание. В открытое окно было видно: на трибуне стоит главный фикус и читает по бумагам доклад, а сидящие в зале фикусы, скучая и томясь, все же делают вид, что слушают его.

Перед зданием в сквере на скамейке сидел сторож Хмель и сладко всхрапывал. Может, докладчик усыпил сторожа. А может, сторож уснул сам по себе... Во всяком случае Хмель, собравшись полить цветочную клумбу перед зданием, так и не сделал этого. Резиновый шланг, прикрепленный к водопроводной трубе, лежал у скамейки без действия.

Бандит-карлик остановился напротив окна, прислушался. Из окна доносились громкие слова главного фикуса:

— Я приведу вам еще несколько цифр. Я не буду попусту тратить слова и лить напрасно воду...

И тогда бандит-карлик нагнулся, поднял шланг, включил его и направил мощную струю воды в раскрытое окно. Водяная струя попала прямо в рот главного фикуса.

— Тону! — завопил главный фикус, захлебываясь и разводя руками, как это делают пловцы в воде.

Водяная струя захлестала по залу.

— Тонем! Тонем! — раздались голоса.

А бандит-карлик поливал и поливал из шланга.

И Пион-шпион понял: наблюдать уже нельзя, нужно действовать. Он бросился к бандиту-карлику, схватил его за плечо и закричал:

— Вы арестованы!

Но бандит-карлик направил водяную струю прямо в живот Пиона-шпиона, и сильная водяная струя отбросила того в сторону. Пион-шпион ударился о дерево и растянулся под ним. Но все же вскочил на ноги и спрятался за деревом. Здесь он был в безопасности.

Бандит-карлик, не обращая на него больше внимания, продолжал поливать зал. Там беспомощно баражтались в воде главный фикус и другие фикусы.

Пион-шпион выхватил из заднего кармана пистолет.

— Руки вверх! Стреляю! — крикнул он, прицеливаясь в бандита-карлика.

Но тут на Пиона-шпиона обрушилось что-то сверху и придавило его. На миг Пион-шпион даже потерял сознание и, придя в себя, некоторое время ничего не мог понять. Наконец сознание прояснилось, и Пион-шпион понял: он снова лежит под деревом, а на нем сидит верхом поэт Василек, свалившийся неизвестно откуда. Бандита-карлика уже нигде не видно, его и след простыл... А рядом стоит красавица Ночная Фиалка и с пренебрежением смотрит на поэта Василька, который громко плачет и вытирается носовым платком.

— Какой у вас жалкий вид, — с презрением сказала красавица. — А я-то думала...

Она так и не докончила фразу, отвернулась и ушла. А поэт Василек, всхлипывая, говорил:

— Больше ни за что писать стихи не буду...

— Наплевать на ваши стихи! — закричал Пион-шпион. — Я упустил бандита! Вот в чем беда! Да слезьте вы с меня в конце концов! Расселись тоже! — добавил он в сердцах.

Глава пятая

Снегопад

На Оранжевой звезде не бывает сильных холодов. Здесь долгое и теплое лето.

Но изредка — и это случается даже летом — налетает ветер и идет снег. Правда, ветер быстро стихает, снег мгновенно тает. Но местные жители боятся непогоды и при первых снежинках поспешили прятаться в своих жилищах.

Вот и сегодня утром небо закрыла толстая туча. Быстро похолодало. В воздухе закружились снежинки. И вся Оранжевая звезда как будто сразу вымерла — нигде не души.

Только одна Хризантема не боялась холода. Накинув светлый плащ, она выбежала на улицу и, подставляя ладони падающим снежинкам, с удовольствием рассматривала их. Потом пошла вперед, не задумываясь, куда она идет. Снежинки падали на ее золотые распущеные волосы. Она стряхивала снег с волос и шла все дальше и дальше.

Снегопад уже кончился. Толстая туча на небе похудела и завихрилась сизыми кольцами. «Эта туча похожа на сказочного дракона», — подумала Хризантема. Ей даже показалось, что из сизо-темных недр тучи высунулась змеиная голова и быстро спряталась. Хризантеме вспомнилась старинная сказка о том, как дракон Крокус похитил красавицу Орхидею, и она чего-то испугалась. Но чего? Кого? Не дракона ли Крокуса? Не сказочного же похищения? Ее-то ведь никто не собирается похищать!

Хризантема остановилась, огляделась — куда это она за-

брела — и с удивлением убедилась, что она дошла до города и стоит на одной из столичных улиц как раз напротив обувного магазина с огромной вывеской: «Сапоги. Туфли. Калоши». Кто-то тощий и уродливый появился в дверях магазина и, сладко улыбаясь, поклонился ей.

«Ах, это владелец магазина Хвош, — догадалась Хризантема. — Какой он неприятный. — Однако из вежливости по здоровалась с Хвошом и вспомнила: — Ведь он, кажется, не только торговец, но и композитор. Говорят, что он и музыку сочиняет. Какую-то странную музыку».

Хвош снова поклонился Хризантеме, приглашая в магазин, но она отказалась зайти туда.

А улица вокруг стала оживать. Из подъезда большого красивого здания вышел банкир Ягель, сел в автомобиль и кудато уехал. На балконе соседнего дома появился бравый полковник Белена в орденах через всю грудь. Мимо Хризантемы прошли о чем-то разговаривая толстый и краснощекий фабрикант Турнепс и дряхлый, обросший седыми волосами министр Мух. Вышла прогуляться миллионерша Крапива, владелица несметных богатств; горничная Герань несла над ней зонтик. А знаменитый журналист Репей прицепился к кинозвезде Магнолии: бежал за ней по улице и что-то писал на ходу.

На этой улице жили богачи, друзья и сторонники правителя Пырея, поэтому Хризантема она не нравилась. Она решила поскорее уйти отсюда, но вдруг почувствовала чей-то пристальный взгляд и оглянулась. Она заметила — кто-то быстро спрятался за дерево. Но кто — Хризантема не разглядела.

Сама не зная на что рассердившись, она быстро пошла по улице. А тот, кто стоял за деревом, смотрел ей вслед и шептал:

— Нет, ты далеко не уйдешь, Хризантема. Ты ни о чем не догадываешься. Ты думаешь, что похищают только в старинных сказках. Ты ошибаешься.

Развлечения для жителей столицы

В девять часов утра правитель Пырей вызвал к себе астронома Люпина и сказал ему:

— Сегодня необходимо что-то придумать... Тем более, что сегодня — день отдыха, воскресенье.

Люпин растерянно посмотрел на Пырея.

— Не понимаю, великий правитель, что нужно придумывать... И главное — зачем?

— Странно, что ты этого не понимаешь. Ведь ты же — советник, — напомнил сердито Пырей. — Так вот... Вспомни, какой был вчера тревожный день. Сколько слухов может возникнуть! Надо отвлечь жителей столицы от всего этого. Их надо хорошенько развлечь, чтобы они и думать забыли о каком-то... пришельце из космоса.

— Вы правы! — с жаром воскликнул Люпин. — Жителей столицы надо развлечь! К сожалению, я об этом даже не подумал. А вы совершенно правы. Я восхищаюсь вашим умом!

— Можешь ты что-то предложить? — спросил Пырей.

— Разрешите мне сосредоточиться, — попросил Люпин. — Через час я представлю вам свои соображения...

— Хорошо, — согласился Пырей. — Жду тебя ровно в десять. Можешь идти.

Ровно через час Люпин представил Пырею план развлечений:

«Предлагается устроить сегодня в столице в полдень парад наших доблестных кактусовых войск. А после парада провести финальный матч на кубок столицы по футболу или дать первое представление новой оперы, которую столичный театр подготовил к постановке».

Люпин громко прочитал составленную им записку и, дойдя до конца, выжидательно посмотрел на правителя.

— Что ж... — произнес Пырей. — Недурно. Но следует и провести финальный матч на кубок столицы и дать первое представление новой оперы. Те, кто не пойдут в театр, пойдут на стадион, и наоборот. Но пока держите все в секрете. Чем больше неожиданности, тем сильнее впечатление. Действуйте!

Разумеется, разговор между Пыреем и Люпином носил секретный характер. Но скрыть секреты довольно трудно. И уже через полчаса после этого разговора в столице, на перекрестке Сиреневой и Фиалочной улиц, у памятника великому ученому Маку, встретились Анютины глазки — три подружки, три веселые болтушки, которые всегда все знают. Одна из них была в мини-юбке, другая — в брючном костюме, третья — в макси-платье.

— У меня — новость, — сказала та, что была в брючном костюме. — В полдень состоится военный парад. Вот позабавимся! Ха-ха!

— А вечером будет футбол,— добавила та, что носила мини-юбку.— Ах, уж эти футболисты! Хо-хо!

— И будет дана новая опера!— воскликнула та, что нарядилась в макси-платье.— Хи-хи!

— Обалдеть! — вскричали все три вместе. — Сколько развлечений! Ха-ха! Хо-хо! Хи-хи!

Поболтав немного, Анютины глазки побежали звонить своим знакомым, чтобы сообщить им новость. И когда через час или два на столичных улицах появились рабочие с ведерками, с kleem и кипами афиш, вся столица уже знала, что будет сегодня.

Но все равно около каждой афиши, приkleенной к забору или рекламной тумбе, собирались толпы любопытных. Всем хотелось прочитать подробности.

Афиши были двух сортов: ярко-зеленые и красно-черные. Выглядели они очень привлекательно.

Вот что было написано на зеленой афише:

Сегодня — матч века.

Встречаются знаменитые команды:

«Ноготки» — «Зверобой».

Начало ровно в 18 часов.

Красно-черная афиша объявила:

АНОНС!

Сегодня в столичном театре — первое представление.

Дается новая опера

«КАЛОША»

Музыка композитора Хвоща,

стихи поэта Василька,

оркестр под управлением Колокольчика,

оформление художника Петрушки.

Начало в 19 часов.

Все читали афиши, ахали, охали, волновались. И вдруг на Тульпановом проспекте грянули медные трубы, ударили барабаны — заиграл военный оркестр. Зеленые ряды кактусов, сверкая стальными касками, двинулись вперед по улицам. Начался военный парад. Развлечения начались.

В театре

Столь странное название оперы «Калоша» объяснялось очень просто: ее автор Хвощ не был профессиональным композитором и, как владелец крупнейшего в столице обувного

магазина, более всего на свете любил обувь. Музыку он сочинял в свободное время — так он отдыхал от своих дел и забот. «Даже подметки при ходьбе издают свою мелодию,— говорил он.— Сапоги могут грохотать, ботинки скрипеть, каблуки дамских туфелек отбивать чечетку. Вот почему я сочиняю музыку на тему обуви».

Сочинив оперу «Калоша», Хвощ посвятил ее правителю Пырею. Одновременно он бесплатно выдал для кактусовых войск правителя большую партию сапог и ботинок.

Пырей был растроган.

— Есть еще настоящие граждане в нашей столице,— сказал правитель и приказал немедленно подготовить постановку оперы.

Столичные газеты много писали про оперу, внушая всем мысль, что это — выдающееся произведение нашего времени. Поэтому вечером театр был переполнен.

Хризантема не ждала ничего хорошего от этого представления, но все же пошла в театр. Ведь развлечения на Оранжевой звезде были так редки.

Астра в театр не пошла. Она заявила, что ей достаточно и военного парада, который они видели днем. Вид у Астры при этом был хитрющий, но Хризантема не стала ее ни о чем расспрашивать.

Люпин, сопровождая Пырея, уехал на стадион. Правитель предпочитал футбол любой опере.

Поэтому Хризантема пришла на представление одна, и к ней сразу же подскочил математик Трилистник. Он ни на шаг не отходил от нее. «Прямо как прилип», — с досадой подумала Хризантема. Она почему-то недолюбливала этого известного математика, хотя и считала его очень умным.

Трилистник пришел в театр в красивом лиловом костюме и в сопровождении двух дам. Правда, на них он теперь не обращал никакого внимания. Одна из дам, миловидная певица Миндаль, обидевшись, вскоре отошла в сторону. А вторая да-

ма, журналистка Полынь, попыталась вступить в разговор с Хризантемой.

— Вы правильно сделали, дитя мое, что пошли в театр, а не на футбол,— сказала она Хризантеме.— Правда, вы еще слишком молоды, чтобы понимать настоящее искусство. Вот, например, я... Я уже дважды слышала эту оперу во время репетиций. И скажу вам — это что-то совершенно новое и смелое. Ведь автор впервые в качестве главной героини взял Калошу. Да, да, обыкновенную Калошу. Такого еще в опере не бывало. Правда, вряд ли вы, дитя мое, понимаете, о чем я говорю...

— А вы сами понимаете, что говорите? — ехидно прервал ее математик Трилистник.

Полынь вспыхнула и тоже удалилась.

— Она не только не умна, но и ядовита,— проводил ее насмешливым взглядом Трилистник и любезно склонился к Хризантеме.— А вы, Хризантема, пожалуйста, передайте вашему отцу, многоуважаемому советнику и замечательному ученому, астроному Люпину, что я очень благодарен ему. Ведь именно он первый оценил мои математические труды и рекомендовал меня к награде. Вчера мне вручен орден Вьюна.

— Поздравляю вас,— сказала Хризантема довольно сухо.

Трилистник помолчал несколько секунд, а потом снова заговорил о себе, о своих трудах. Хризантема слушала, все больше и больше досадуя: «Что ему от меня надо? Хоть бы отшел...» И когда прозвенел звонок, она вздохнула с облегчением и поспешила в зал.

Зрители заняли свои места. Погасла люстра. Заиграл оркестр. Представление началось. Но уже после первой сцены Хризантеме стало скучно. И было отчего! На сцене пела и танцевала разная обувь: сапоги, ботинки, туфли, тапочки.

Однако в зале уже несколько раз раздавались аплодисменты. Особенно громко зрители хлопали, когда на сцену вышли Сапог и Калоша и запели дуэтом...

Сапог
Ох! Ах! Ах! Ох!

Калоша
Эх ты, сапог!
Эх ты, сапог!

Сапог
Как нести мне жизни ношу?

Калоша
Лучше ты садись в калошу!

Хризантема в душе посмеялась над всем этим. Единственно, что ей понравилось, — это веселый и изящный танец Туфельки. Даже под скрипучую музыку Туфелька танцевала мило и грациозно.

Закончилось первое действие свадьбой Сапога и Калоши. В перерыве все говорили в основном не об опере, а о футболе. Стало известно, что на центральном стадионе финальный матч закончился победой техничной и искусной команды «Ноготки» над грубой и силовой командой «Зверобой».

Хризантема футболом не интересовалась. Она ходила по фойе, рассматривая фотографии артистов, и издали увидела математика Трилистника, который кого-то разыскивал. «Уж не меня ли он ищет?», — подумала Хризантема и на всякий случай спряталась за колонну. Трилистник прошел мимо, не заметив ее, а Хризантема показала ему вслед языки.

Началось второе действие оперы. Оно было не лучше первого. Сын Сапога и Калоши, юный Ботинок, не захотел слушаться родителей и убежал из дома. Но без родителей ему пришлось плохо, и он решил к ним вернуться. Возвратился домой Ботинок довольно потрепанным, с оторванной подошвой, голодный.

Он пел:

Прошу я у папаши,
Прошу я у мамаши —
Хочу я ка-ши!

Конец оперы был вполне счастливым: возвращение блудного сына состоялось, все были рады и счастливы. Занавес опустился. Раздались аплодисменты и крики: «Браво! Бис! Автора!»

Хризантема поднялась со своего кресла и пошла к выходу. Оглянувшись, она увидела, что автор оперы, композитор Хвощ, вышел на сцену и с довольным видом кланяется публике.

Вдруг раздался какой-то резкий звук. Это распахнулось одно из окон в зале, стекла из рамы вылетели и разбились. А на подоконнике появился бандит-карлик в маске, в широкополой шляпе и в желтом балахоне. В одной руке у него был пистолет с широченным дулом, в другой — старая калоша. Бандит-карлик размахнулся калошой и закричал:

— Долой обувную музыку!

Затем он швырнул калошу в автора оперы, композитора Хвоща. И очень метко! Калоша попала в голову композитора. Хвощ свалился в оркестровую яму, где сидели музыканты.

После этого бандит-карлик спрыгнул с подоконника и исчез во мраке. В зале поднялась паника. Зрители ринулись к выходу.

Хлынувшая кричащая толпа подхватила Хризантему, вынесла ее наружу, швырнула куда-то в сторону.

Хризантема налетела на какие-то кусты и упала в траву газона. Она сильно ушиблась и не могла подняться. Неожиданно кто-то приподнял Хризантему и понес в темноту.

Хризантема ничего не понимала. Она попыталась вырваться, но тот, кто нес ее, был гораздо сильнее и крепко держал Хризантему.

«Неужели меня похитили?» — подумала она.

Загадка математика

Хризантему похитил математик Трилистник. Под покровом темноты он притащил ее в свой дом и запер дверь на ключ.

Хризантема почему-то не испытывала страха. Она сидела в кресле, морщилась от ушибов и с раздражением смотрела на Трилистника.

— Вы что, с ума сошли? — сказала она. — Зачем вы меня сюда притащили?

— Я похитил вас, Хризантема, — сказал Трилистник, довольно потирая руки. — Что задумано, то сделано. А зачем похитил? Затем, чтобы совершить вместе с вами удивительное путешествие. Я хочу вас взять с собой, Хризантема, в необыкновенный мир, о котором вы даже не подозреваете.

— Зачем он мне нужен — этот ваш мир! — рассердилась Хризантема. — Учтите — я хочу домой и сейчас заплачу.

— Не плачьте, Хризантема, — сказал Трилистник вежливо и просительно. — Лучше посмотрите вокруг себя. Не считаете ли вы эту комнату, в которой мы находимся, чем-то необычной?

Хризантема осмотрелась. Комната и на самом деле мало чем напоминала обычное жилище. Здесь было множество аппаратов и каких-то приборов, а посередине стены стояло большое зеркало. Любое отражение в зеркалеказалось круглым и слегка вогнутым. Хризантема даже улыбнулась, увидев себя в нем.

Трилистник заметил ее улыбку.

— Вы, вероятно, думаете, что перед вами зеркало. Вы ошибаетесь. Это не зеркало. Это — экран. И даже не совсем экран. Это — вход в другой мир. Да, да, поверьте мне. Видите на стене кнопку? Стоит только четыре раза нажать на нее, экран засветится и откроется вход в другой мир — в мир Четвертого измерения. Вы хоть что-то поняли?

— Ничего не поняла, — призналась Хризантема.

— Я так и думал, — ничуть не удивился Трилистник. — Но ничего. Постепенно поймете. Я вам все объясню. Правда, придется рассказывать довольно долго. Но вы послушайте, Хризантема. Согласны?

Хризантема недоуменно пожала плечами, но согласилась.

— Только, пожалуйста, покороче. Я устала, — попросила она.

Трилистник был обрадован ее согласием и в то же время задет словами Хризантемы. Вздохнув, он сел в кресло напротив нее и сказал:

— Я постараюсь быть краток. И по возможности не утомлю вас.

Потом, снова вздохнув и заметно волнуясь, начал свой рассказ:

— Я должен сначала поведать вам о своей жизни, иначе ничего не будет понятно. А в моей жизни, Хризантема, очень много значил ваш отец — астроном Люпин. Ведь раньше я был простым учителем математики и жил далеко от столицы в маленьком селении. Но в душе я всегда считал себя великим математиком и потому по ночам писал свою книгу, которая называлась «Математика — это загадка».

И вот рукопись была закончена. Я приехал в столицу. Я думал, что меня здесь оценят и поймут. Какие у меня были мечты! Великие!

Но когда я пришел в столичное издательство, чтобы напечатать свою книгу, издатель Папоротник меня, бедного и неизвестного автора, просто-напросто выставил за дверь.

Я обратился к академику Лопуху. Он прочитал мою книгу. Но, кажется, так ничего и не понял в ней.

Я передал рукопись главному математику Дурману. Тот, познакомившись с моим трудом, сказал мне: «Вы стоите на опасном пути. В вашей рукописи содержатся неправильные мысли. Я советую вам не писать более ничего подобного и уехать немедленно из столицы. И не подводить ни себя, ни других. Ведь я вынужден буду дождить правителю Пырею о вашей книге. Немедленно уезжайте!»

Вероятно, он думал, что я буду благодарить его за науку и действительно немедленно уеду. Но какое-то оцепенение напало на меня. Я никуда не уехал и целыми сутками лежал на кровати в холодной комнате в гостинице. Мне не хотелось ничего и никого видеть.

И вот однажды вечером в дверь кто-то постучал. Я удивился: ведь мне некого было ждать. Но каково же было мое удивление, когда я увидел, что в комнату вошел сам советник правителя Пырея, астроном Люпин.

Астроном Люпин велел мне взять мою рукопись и ехать вместе с ним. Автомобиль стоял внизу у подъезда. Ваш отец, Хризантема, привез меня во дворец, здесь в своем кабинете угостил сладостями (я очень люблю сладкое), успокоил, утешил, а потом сказал примерно так: «Я прочитал вашу рукопись, Трилистник. Мне давал ее почитать главный математик Дурман. И я нахожу, что вы талантливы. Я помогу вам. И вы получите все, что хотите. Но пока... пока, как сказал вам Дурман, вы очень заблуждаетесь. И потому поступим вот так...»

Он швырнул мою рукопись в камин, где жарко горели дрова. Я чуть было сам не бросился вслед за рукописью в пламя. Но астроном Люпин схватил меня за руки, посмотрел мне в глаза и сказал очень проникновенно: «Успокойтесь. Вы напишете новую книгу. И всем докажете, какой вы талантливый».

Он предложил написать мне новую книгу под названием «Математика без загадок». Выхода у меня не было, и я согласился.

Я быстро написал книгу. И именно так, как мне предложил астроном Люпин. Вспомните, Хризантема, о чем она. Ведь каждый на Оранжевой звезде обязан был прочитать ее.

Я написал в ней, что все устройство мира основано на математике. Математические законы действуют везде: в движении планет, в устройстве веществ, в живых организмах, в музыке и поэзии. Я писал о том, что математика окружает нас. И это была правда.

Посмотрите вокруг себя, Хризантема. Всмогтитесь хотя бы в эту комнату, и вы увидите, что она, как и все другие комнаты мира, как и все на свете, состоит из математических фигур. Ее стены, пол и потолок не что иное, как прямоугольники. Поверхность стола — тоже прямоугольник. Абажур над столом — конус. Стакан с водой — цилиндр. Поверхность воды — круг. Фотография на стене — квадрат. Везде и повсюду — математические фигуры. Везде и повсюду — математика.

— А вот я не люблю математику, — прервала рассказ Трилистника Хризантема. — Никак она мне не дается. Я контрольную на тройку написала... И вашу книгу прочитала с трудом.

— Ничего, Хризантема, тройку можно исправить, — сказал Трилистник. — А математику вы поймете и полюбите. Я научу вас любить ее. А пока слушайте меня далее.

Итак, в моей книге было много правильного. Но — и это главное — в ней делался неверный вывод. Я писал, что все в мире можно разложить на математические фигуры и формулы, все можно доказать и объяснить.

Это было то, что хотел от меня астроном Люпин. И он сдержал свое обещание. Мою книгу сразу напечатали. Я стал известным лицом, получил дом в столице. Сам правитель Пырей заинтересовался мной, меня представили к ордену Вьюна.

Я радовался всему этому — богатству, славе, успеху. Я гордился всем этим...

Но в глубине души очень страдал. Ведь я знал, что пишу неправду. И я не выдержал... и начал работать тайком.

Я много трудился, изо всех сил трудился. И чудо — я сделал великое открытие! Да, да, Хризантема, я открыл, что мир вокруг нас совсем не прост и что рядом с нами существуют другие миры. И самое главное — существует Четвертое измерение.

Что это такое? Это сложно сразу объяснить, а понять еще сложней. Поэтому начнем с самого простого.

Сначала я приглашу вас в более простой мир — мир Двух измерений. Стоит только два раза нажать вот на эту кнопку — и мы окажемся в нем.

Плосколяндия

Трилистник нажал на кнопку два раза. Экран засвятился.

Трилистник поманил рукой Хризантему. Она подошла к нему и взглянула в экран. И на самом деле как будто другой мир открылся ей.

Ночь, свет звезд — все это было, как обычно. Но прямо из под ног уходила вдаль широкая ровная полоса, похожая на гигантский лист бумаги.

И эта полоса была другим миром. Трилистник шагнул в экран, как шагают в открытую дверь. Хризантема — за ним. Они шли по широкой ровной полосе.

— Ступайте осторожно, — предупредил Трилистник. — У нас под ногами — целые страны.

Хризантема остановилась и взгляделась вниз. Она увидела на широкой ровной полосе города и села, леса и реки. Но все это было абсолютно плоское, как будто нарисованное. В какой-то мере все это походило на киноэкран, хотя и не являлось киноэкраном.

В миниатюрных домиках горели огоньки в окнах, по улицам передвигались жители, раздавались их тоненькие голоса. Хризантема могла видеть сразу две страны — одну зеленую, другую лилового цвета. Обе страны были карликовыми и плоскими.

Вот из зеленого плоского замка, на башнях которого развевались зеленые флаги, вышло зеленое плоское войско в латах, с копьями и мечами в руках.

Впереди воинов на коне ехал король в изумрудной короне и зеленой накидке.

Зеленая плоская королева с башни кричала ему тоненьким голоском:

— Не забудьте, ваше величество, у лиловой королевы такое чудесное ожерелье! Оно из драгоценного камня — лилового аметиста. Без ожерелья назад не возвращайтесь!

— Ладно, ладно, — отмахивался король.

Зеленая королева ушла в башню. А зеленый король обратился к своему плоскому войску:

— Мои доблестные воины! В целях защиты мира во всем мире сегодня в полночь мы нападем на лиловое королевство. Пленных не брать! Никого не щадить! Без моего королевского приказа войну не начинать!

Хризантема обратилась к Трилистнику:

— Скажите, пожалуйста, почему здесь все плоское?

— Потому что в этом мире, — ответил Трилистник, — существует только два измерения: ширина и длина. Здесь нет высоты. Это — мир Двух измерений. Вам это понятно?

— Понятно, — сказала Хризантема. — Но, обратите внимание: кажется, зеленые собираются неожиданно напасть на лиловых.

— Ну, это как сказать... Лиловые тоже не теряются, — заметил Трилистник.

И Хризантема увидела, что из лилового замка по другую сторону границы тоже выступает плоское войско под лиловым

знаменем. Впереди его на плоском коне король в лиловой на-
кидке. За ним лиловые воины. Значит, быть войне...

И тогда Хризантема нагнулась и извлекла из плоского мира одной рукой лилового короля, а другой рукой зеленого короля. Оба монарха беспомощно болтали руками и ногами в воздухе, не понимая, что с ними происходит. Хризантема положила и того, и другого к себе на ладонь — такие они были маленькие.

— Где я? Где я, ваше величество? — жалобно спросил зеленый король у лилового.

— Откуда я знаю? Я ничего не понимаю, ваше величество, — пропищал лиловый король.

— Ах, вроде бы я догадываюсь, — дрожащим голоском произнес зеленый король. — Вероятно, великие боги перенесли нас на небо...

— Но за что они нас сюда перенесли? — недоумевал лиловый король. — За грехи или за заслуги?

Между тем как зеленое, так и лиловое войско остановилось. Воины, потеряв своих королей, не знали, что им делать.

Хризантема прыснула от смеха. Оба короля услышали этот смех, но так и не могли увидеть ее, хотя и вертели головами изо всех сил.

Ведь они не могли поднять свои головы вверх.

— Я слышу что-то громкое. Наверное, до меня донесся божественный голос, — торжественно произнес зеленый король.

— Не хвастайтесь, ваше величество. Я тоже слышу божественный голос, — заверил его лиловый король. — Наверное, боги хотят нам объявить свою волю.

— Моя божественная воля будет такая, — сказала, смеясь Хризантема. — Деритесь друг с другом!

— Вы слышали, ваше величество? — спросил зеленый король у лилового. — Вы слышали, какова божественная воля? Мы должны драться. Но чем? Я во время полета на небо потерял свой меч.

— И я тоже потерял! — признался лиловый король.

— Как угодно и чем угодно, но деритесь! — приказала Хризантема.

— Божественная воля превыше всего, — заявил зеленый король и ловко ударил кулаком в нос лиловому монарху.

— Превыше всего! — повторил лиловый король и сильно лягнул зеленого в толстый живот. И монархи, вскрикивая, пыхтя и тяжело отдуваясь, начали отчаянно тузить друг друга, точь-в-точь как это делают мальчишки в школе на переменах. Вскоре они расквасили носы, наставили друг другу

синяков, разодрали дорогие накидки и так обессилели, что попадали в разные стороны.

— Ну, теперь достаточно,— сказала Хризантема.— Вам это урок. Вы заставляли драться других, но это несправедливо. Если вам так уж хочется воевать, то деритесь сами один на один. А теперь возвращайтесь домой, но предупреждаю: чтобы войн между вашими странами больше не было...

Хризантема опустила зеленого короля в зеленый замок, а лилового в лиловый замок.

— Пора нам возвращаться из этой Плосколяндии,— обратился к ней Трилистник, который до этого не вмешивался в действия Хризантемы.— Идемте обратно!

Бесконечная дорога

Они вернулись из мира Двух измерений, и Хризантема поблагодарила Трилистника за интересное путешествие.

— Главное еще впереди,— пообещал Трилистник.— Я продолжу свои объяснения.

Он нажал на кнопку один раз, и экран стал темным. Плосколяндия исчезла.

— Это был плоский, двухмерный, примитивный мир,— сказал Трилистник.— А вот теперь я нажимаю на кнопку три раза и смотрите, что будет...

Он нажал на кнопку три раза. Экран опять засветился. И снова перед глазами Хризантемы — ночь, и те же светящиеся звезды, и знакомый вид: спящая Оранжевая столица, вдали — дворец, еще дальше — Дикий лес.

— Это наш мир,— пояснил Трилистник.— В нем — три измерения: длина, ширина и высота. Он более сложен по сравнению с плоским миром Двух измерений, где неизвестна высота. Но есть мир еще более сложный, чем наш. Трудно, даже невозможно нам представить, как он выглядит. Это — мир Четвертого измерения. В нем, кроме длины, ширины, высоты, есть еще четвертое измерение. Этот мир не понятен и не видим для нас. Но он где-то есть. Он рядом с нами, и я открыл его.

Трилистник выключил экран и подошел к Хризантеме. Его взгляд стал холодным и пронзительным.

— Сейчас я скажу вам, Хризантема, о самом важном,— резким голосом произнес он.— И вы поймете, почему я вас похитил. Все эти годы я полностью зависел от вашего отца,

Хризантема, от астронома Люпина. Я был послушной фигурой в его руках. Конечно, астроном Люпин значит многое. В чем-то я даже восхищался им, но в то же время, простите, ненавидел его. Я понимал, что, если он узнает о моих занятиях, моих открытиях, мне придется плохо. Что мне было делать? И я решился похитить дочь Люпина, вас, Хризантема. Зачем? Я уже говорил вам: затем, чтобы совершить с вами необыкновенное путешествие. Мы пойдем вместе в мир Четвертого измерения. Вам выпало нелегкое счастье, Хризантема, увидеть то, что никто еще не видел.

— Вы хотите, чтобы я ушла с вами из нашего мира? — спросила Хризантема. — И ушла навсегда?

— Нет, не навсегда, — поспешил успокоить ее Трилистник. — Через некоторое время, может быть, через год или два, вы вернетесь в наш мир Трех измерений и расскажете обо всем, что увидите. Вы скажете отцу, что я был прав. Прав! Прав! — закричал Трилистник, но тут же спохватился, отер пот со лба и уже спокойно продолжил: — Я знаю, путь в мир Четвертого измерения будет очень долгим и сложным. Одному тяжело отправляться в этот путь. Если вы пойдете со мной, мне будет легче. Я давно следил за вами и знаю — вы не такая, как ваш отец, астроном Люпин. Вы многое способны понять. И сейчас мы пойдем. Готовьтесь!

— Я никуда не пойду, — с твердостью произнесла Хризантема.

— Тогда я затащу вас туда силой, — кивнул на экран Трилистник.

— Вы что — плохой? Совсем плохой? — спросила Хризантема.

— Нет, — поморщился, как от боли, Трилистник. — Я не такой уж плохой. Вернее, я — совсем не плохой. И вы в этом скоро убедитесь. Просто жизнь вокруг такая, что она заставляет меня совершать плохие поступки.

— Не оправдывайтесь, — перебила его Хризантема.

— Я не оправдываюсь, — проговорил Трилистник. — Но вы все равно со мной пойдете.

— Нет, — решительно возразила Хризантема. — У меня есть отец, какой-никакой, но он мой отец. И есть сестра. Они будут очень переживать, если я исчезну.

— Все это ничего не значит по сравнению с великим научным открытием, которое я совершил, — заявил Трилистник.

— Но в таком случае... — Хризантема решилась сказать о самом главном. — Вы слышали, что к нам, на Оранжевую звезду, прилетел космический корабль?

— Да, слышал,— ответил Трилистник.— Об этом, хоть и украдкой, все вокруг говорят. Это тоже великое событие!

— Так вот знайте,— открылась Хризантема,— я хочу помочь этому прилетевшему к нам человеку.

— А кто он? — спросил Трилистник.— Великий учений?

— Нет,— ответила Хризантема.— Он не великий ученый. Он — обычновенный мальчишка. Ничего в нем особенного нет. Но когда начинает говорить, кажется взрослым. Я даже не пойму, как это получается. Но все равно помочь ему некому.

— Ах, вон оно что...— в задумчивости произнес Трилистник. Он вскочил с кресла, забегал по комнате, размышая вслух: — Что за жизнь наступила на Оранжевой звезде! Подумать только — прилетел космический корабль. Что за жизнь! Удивление, да и только! Но все равно для меня сейчас самое главное — Четвертое измерение. Ни о чем другом я думать не могу. Но понимаю — пришельцу надо помочь. Хоть бы ради науки! Ведь такой полет — тоже великое научное достижение. Я сознаю это.

Трилистник задумался. Он смотрел на Хризантему то сердито, то жалобно, но постепенно его взгляд стал твердым и каким-то далеким.

— Решено,— сказал он глухо.— Я уступаю. Помогите пришельцу, Хризантема! Кроме вас, ему никто не поможет. А мне придется идти одному. Опять одному... Но ничего не поделаешь! Простите меня, Хризантема! Мне неловко за себя. И грустно... Простите!

— Я вам очень сочувствую,— сказала Хризантема.

И Трилистник пошел в мир Четвертого измерения один. Было это так. Он нажал на кнопку четыре раза. И в ночи под светящимися звездами пролегла куда-то вдаль бесконечная дорога. Куда она вела? Этого не было видно. Но, всмотревшись пристально, где-то очень далеко Хризантема увидала что-то похожее на зарево. И в этом зареве можно было различить очертания каких-то невероятных фигур: круглых треугольников, треугольных кругов, шарообразных многоугольников.

— Там — мир Четвертого измерения,— показал Трилистник.— Я не знаю, что он собой представляет и что меня там ждет. Знаю только, что это более сложный мир, чем наш. И до него надо пройти эту дорогу. А она кажется бесконечной...

И он пошел по этой бесконечной дороге. А Хризантема смотрела, как Трилистник уходит. Он несколько раз останавливался, оглядывался, как будто надеялся, что она пойдет за ним.

Но она не пошла. Только помахала ему рукой. Он тоже махнул ей, пошел быстрее и больше уже не оглянулся.

Его одинокая фигура становилась все меньше и меньше. И постепенно совсем затерялась в темной дали. «Хоть бы он дошел до своего Четвертого измерения,— подумала с грустью Хризантема.— И пусть ему будет там хорошо. Я очень хочу, чтобы ему было там хорошо».

Она выключила экран. Взяла ключ, оставленный на столе Трилистником, открыла дверь и вышла на улицу. Еще только начинало рассветать.

Хризантема шла по пустынной улице и все время вспоминала одну и ту же картину: где-то далеко-далеко полыхает зарево Четвертого измерения, а по пустынной бесконечной дороге удаляется одинокая фигура Трилистника.

Г л а в а ш е с т а я

Утром в башне

Настало мое четвертое утро на Оранжевой звезде. Все это время я заперт в башне. Мой космический корабль по-прежнему находится на площади перед дворцом и отчетливо виден мне из окон.

Когда я подлетал на нем к Оранжевой звезде, то радовался. А теперь мне совсем не радостно. Даже наоборот — тоскливо.

Зачем я здесь? Хочу на Землю. Хочу быть вместе со всеми — с мальчишками и девчонками из нашего двора. Хочу бегать и играть. Загорать на солнце. Купаться в реке. Хочу на Землю.

На Оранжевой звезде все оказалось не так, как я себе представлял. Вот и сижу теперь запертый в башне, и мысли у меня в голове путаются.

Позавчера вечером ко мне приходил астроном Люпин. Он уговаривал меня выступить с рассказом по радио: мол, скажи, что космос страшен, поэтому летать в космос никому не следует. Я отказался. Ведь я не мог сказать такое. И тогда — вот что удивительно — он начал просить: «Прошу тебя, выступи по радио. Я напишу тебе бумажку, и ты просто прочитаешь ее. Не то будет плохо. Я не хочу тебе ничего плохого. Послушайся меня — так будет лучше».

Я отказался снова, и он чуть не заплакал. Он нервничал, и вид у него был какой-то жалкий. Когда уходил, сказал, что просит меня не отказываться окончательно, а подумать...

И вот я уже больше суток думаю в запертой башне и ничего придумать не могу.

Но что это? Я слышу — кто-то подошел к двери, кто-то вставил в замок ключ. Дверь открывается...

Хризантема! В белом платье, в белых туфельках. Бледная, вся дрожит...

— Я пришла к вам... — и больше ничего сказать не может.

Я налил воды в стакан, протянул ей. Она отпила глоток и вроде бы чуть успокоилась, начала говорить.

— Я хочу спасти вас, — сказал она. — Правитель Пырей и мой отец улетели на вертолете, и надо успеть, пока они не вернулись. Слушайте, слушайте меня и не удивляйтесь! Я утащила у отца ключ от башни. Вам надо бежать. Правитель Пырей вас хочет уничтожить...

— Но за что? — растерянно пробормотал я.

— Я говорю правду. Я вам друг. Поверьте мне. — У нее умоляющие, тревожные глаза.

— Конечно, я вам верю, — мне приятно сказать такие слова.

— Тогда бежим! — Хризантема подала мне руку.

Вот уж не ожидал! Значит, меня спасают. Значит, у меня здесь есть друг. Как здорово!

Но за дверью — снова шаги. Громкие, тяжелые шаги. Дверь с грохотом распахивается, и в башню врывается правитель Пырей.

Мы стоим перед ним, взявшись за руки. Он глядит на нас, и глаза его от ярости наливаются кровью. Кажется, сейчас он разорвет нас на куски.

Я делаю шаг вперед. Я закрываю Хризантему.

— Попались, — говорит Пырей, злорадно улыбаясь. — Теперь я вас уни-что-жу!!!

Неожиданный избавитель

Оказывается, правитель Пырей не полетел на вертолете осматривать Оранжевую звезду. Сначала он сделал вид, что полетит, но, подойдя к вертолету, сказал астроному Люпину:

— Полетишь ты один. А потом доложишь, все ли спокойно. Я буду во дворце.

Пырей не доверял никому, даже своему ближайшему со-

ветнику. А в дочерях Люпина — Астре и Хризантеме ему всегда что-то не нравилось, хотя он и сам не понимал, что именно в них ему не нравится. И вот теперь он убедился, что Хризантема совершила недозволенное и непростительное, по его мнению.

Пырей гневно уставился на Хризантему и накричал на нее, а потом все-таки спросил, что она задумала и зачем появилась в башне. И это хрупкое маленькое существо ответило правителю смело и гордо:

— Я пришла сюда, чтобы спасти его,— указала она на меня.— Я хотела бежать вместе с ним.

Напрасно я делал Хризантеме знаки: мол, не говори, не выдавай себя. Она, видимо, не хотела молчать. Куда только делись ее страхи?

— Созналась! — возликовал Пырей.— Сама созналась! Теперь уже ни тебя, ни его,— кивнул он на меня,— ничто не спасет...

И казалось, что нам на самом деле нет спасения. Но тут снова хлопнула дверь, и произошло такое, что никто себе даже представить не мог...

В башню вбежал бандит-карлик в черной маске, широкополой шляпе, желтом балахоне, сапогах-ботфортах и с пистолетом в руке. Какое широченное дуло было у его пистолета — как воронка!

Все мы, находившиеся в башне — и я, и Хризантема, и правитель Пырей, с удивлением уставились на него. А бандит-карлик внимательно посмотрел на нас, кивнул дружелюбно мне и Хризантеме и наставил пистолет на правителя Пырея. Пырей попятился и оторопело поднял руки.

— Кажется, мое появление пришлось в самый раз,— сказал бандит-карлик, ободряюще посмотрев на нас. Затем он в упор уставился на Пырея и совсем другим тоном произнес: — Ах ты, бессовестный! Ах ты, гадкий! Повторяй: «Я гадкий».

Правитель молчал. Он тяжело сопел, но молчал.

— Не повторишь — стреляю,— предупредил бандит-карлик.

— Я — гадкий! — угрюмо повторил Пырей. Он был растерян.

— Лезь под стол! — приказал ему бандит-карлик.— И сиди там смирно.

Пырей полез под стол. Он, видимо, больно стукнулся о крышку стола и застонал.

Бандит-карлик скомандовал нам:

— Скорее! Бегите! И я с вами.

— Сначала скажите, кто вы? — спросила Хризантема.— Мне кажется, я догадываюсь...

— Сейчас не время! — остановил ее бандит-карлик.— Бежим! — и приказал правителью Пырею: — Не двигайся с места! Не то плохо будет.

Втроем мы выскочили на лестницу и заперли дверь в башню. Пусть посидит там правитель Пырей!

Мы сбежали вниз с лестницы и чуть не столкнулись с группой солдат-кактусов. Впереди торжественно вышагивал шарообразный офицер.

— Я задержу их,— сказал наш избавитель и сорвал с лица маску.

Мы увидели перед собой Астрю. Да, это была Астра, сестра Хризантемы. Оказывается, это она нарядилась бандитом-карликом. А голос у нее был дребезжащим, потому что она держала во рту маленькую пластинку из слюды. Сейчас Астра достала изо рта эту слюянную пластинку, и нам все стало понятно.

— Я немножко догадывалась! — обняла сестру Хризантема.

— Бегите! — торопила нас Астра, указывая на боковую дверь.

Солдаты и их шарообразный офицер приближались, с удивлением вглядываясь в нас и не понимая еще, что происходит.. В это время сверху раздался отчаянный стук — это стучался в закрытую дверь правитель Пырей.

— Вперед! — отдал команду шарообразный офицер.

И тогда Астра вскинула пистолет. Раздался оглушительный выстрел. Офицер и солдаты попадали на пол, вероятно, от страха и неожиданности.

— Спасай его! — крикнула Астра сестре, кивнув на меня.— А я вас догоню!

— Дай честное слово, что догонишь,— прижимая руки к груди, умоляла ее Хризантема.— Дай слово! Самое честное!

— Честное-пречестное! Они меня не поймают,— уверенно и весело произнесла Астра.— Я им сейчас покажу! — Она засмеялась и снова вскинула пистолет.

Хризантема схватила меня за руку, и мы вбежали в боковую комнату. Оглянувшись, я еще увидел Астру: она опустилась на одно колено, шляпа слетела с ее головы, длинные волосы распустились и упали на плечи, щеки горели. Астра целилась из пистолета. Вид у нее был веселый и дерзкий. Астра сражалась! Такой я ее и запомнил навсегда.

Как мальчишка, я, конечно, позавидовал Астре. Мне очень захотелось тоже сжимать в руке пистолет и сражаться. Но пистолета у меня не было, и приходилось спасаться бегством.

Хризантема вела меня по каким-то нежилым комнатам и темным коридорам. Она прекрасно знала здесь все ходы и выходы.

Мы выбрались из дворца и оказались в саду. Прячась за деревьями, добрались до стены. В ней за густой травой оказалось отверстие.

— Эту дыру мы с Астрой проделали, — шепотом сообщила Хризантема.

Мы выбрались за стену, пригибаясь, перебежали к близким кустам и спрятались за ними.

Во дворе гремели выстрелы. И вдруг они стихли.

Мы долго ждали Астру. Мы не верили, что кактусы схватили ее. «Она смелая и ловкая, она не дастся им в руки!» — успокаивали мы себя. Но время шло, а Астра не появлялась.

Из ворот дворца выбежало несколько солдат-кактусов. Надо уходить.

— Они будут искать нас, — прошептала Хризантема. —

Мы поползли между кустов, добрались до небольшого леска и вышли к озеру. Кажется, нас никто не преследовал.

На берегу была лодка. Хризантема села в нее, я взялся за весла... Вокруг было тихо. Уже вечерело.

Мы плыли по озеру к Дикому лесу. Он надвигался нам навстречу высокой темной стеной. Озеро клубилось туманом.

Вот и противоположный берег. Мы вышли на него, и тут Хризантема, до этого твердо державшаяся, громко заплакала.

— Астра погибла, — с трудом произнесла она сквозь слезы и расплакалась еще сильнее.

Глава седьмая

В Диком лесу

Дикий лес оказался совсем не страшным. Даже не знаю, почему его все боялись. Правда, здесь встречались и птицы странного вида, и корявые, причудливо изогнутые деревья, похожие на застывших чудищ. Но все же это был просто-напросто старый густой лес с полянами и чащами, ручьями и оврагами, грибами и ягодами, и он надежно укрыл нас с Хризантемой. Здесь мы могли не опасаться преследователей.

Пришла ночь. Темнота окружила нас. Мы сидели под могучим старым деревом на охапках травы, которую я нарывал.

Над нами шелестели листья. Из темноты иногда доносились приглушенные крики птиц, какие-то шорохи. Потом все стихало...

Спать мы не могли. Хризантема плакала и все время вспоминала сестру.

— Она мне вчера сказала, что у нее есть какой-то секрет,— глотая слезы, говорила Хризантема.— Обещала сегодня рассказать... Я и сама догадывалась. Ведь ее одежда — это старый карнавальный костюм. Какая она у нас все-таки отчаянная... Это она первая сказала, что вас надо спасать, но утром куда-то подевалась. А медлить было нельзя, и я решила действовать одна... Неужели я ее больше не увижу?

Я, как умел, утешал Хризантему. Но только под утро она заснула. Я тоже дремал.

Проснулись мы уже довольно поздно. Высоко в небе сияли два солнца: большое оранжевое и маленькое голубое. Лес звенел птичьими голосами.

На глазах у Хризантемы опять показались слезы. Но она утерла их и решительно сказала:

— Хватит плакать. Слезами никому не поможешь. Идемте.

— Но куда? — удивился я.

— Мы должны найти Странное ущелье,— ответила Хризантема.

— Какое Странное ущелье? И зачем? — удивился я.

— Но ведь назад пути нам нет. Позади — Пырей и его кактусы. А знаете, когда совсем плохо, когда не на что надеяться, я надеюсь на чудо.

— Но при чем здесь Странное ущелье? — спросил я.

— Со Странным ущельем связана какая-то тайна,— сказала Хризантема. И к тому же... должны же мы куда-то идти. Идемте!

— Как же мы найдем дорогу?

— Странное ущелье где-то в глубине леса, и у меня такое чувство, что я сумею его найти.

И мы пошли в глубь леса, раздвигая высокие, в наш рост, травы и кустарники.

Двойник Оранжевой звезды

— Расскажите мне о своей планете, откуда вы прилетели,— попросила меня Хризантема.

Мы шли в это время вдоль веселого журчащего лесного ручейка. Он напоминал мне что-то близкое, земное.

Что же рассказать этой девочке-цветку о Земле? Разве о ней расскажешь? Но это нужно, это важно сделать.

Рядом с маленькой золотоволосой Хризантемой я вдруг почувствовал себя намного старше ее. Все мальчишеское будто исчезло во мне. И я заговорил совсем как взрослый:

— Земля,— сказал я,— маленькая планета. Конечно, маленькая она по сравнению с многими другими планетами. Для нас, землян, она — главная планета и самая красивая. Мы, земляне,— это слово я произносил с особым волнением,— очень любим нашу Землю. На ней есть глубокие океаны и моря и высокие горы, вечно холодные ледники и раскаленные пустыни, леса и луга, реки и озера, тысячи городов

и селений. Люди освоили Землю, обжили ее. И теперь осваивают космос...

— Мне бы хотелось побывать на Земле! — призналась Хризантема.— Но, скажите, правда, что летать в космосе опасно и страшно?

Я ответил, что в какой-то мере это правда. В космосе бывает и страшно, и опасно. Но космоса не надо бояться, нужно уметь его побеждать — тогда он не будет казаться страшным.

— Но все же, если можно, расскажите что-нибудь страшное,— попросила Хризантема.— Пожалуйста!

Не очень мне сейчас хотелось такое рассказывать. Но Хризантема просила (на Земле дети тоже часто просят рассказать про страшное), и я, немножко подумав, решил — ладно, пусть знает о двойнике Оранжевой звезды. И я рассказал Хризантеме о том, как во время пути мой корабль приблизился к какой-то планете. Я-то думал — это Оранжевая звезда. Все измерения совпали, да и над планетой светили два солнца: большое оранжевое и маленькое голубое.

Я был рад тому, что моя цель достигнута! Но, совершив посадку, увидел неожиданное: планета была мертвой. Голые скалы. Каменистая сухая почва. Глубокие трещины. Вокруг ни души, ни звука...

Мне стало страшно, и я включил двигатели, чтобы улететь. Но двигатели не работали: мой корабль тоже стал как мертвый.

Страх не поддаваться отчаянию, я вышел наружу и огляделся: только темная пыль клубилась над унылой равниной, которая уходила к горизонту.

Это тяжело — иметь мечту, стремиться к ней и вдруг увидеть: твоя мечта мертвая. Только камни, пыль, пустота...

И все же я испытывал гордость, так как достиг цели.

Хотя на глазах у меня были слезы, мне почему-то захотелось петь. Слова как-то сами по себе стали складываться в строки, и я запел:

Не принесла мне счастья
Оранжевая звезда.
Зачем я сюда стремился?
Зачем я летел сюда?
Стою один на планете
Средь мертвых пространств и скал.
Не этим я вовсе бредил,
Не этого я искал.

Но пусть звучит моя песня
И будет душа горда.
Ты все же — моя победа,
Оранжевая звезда!

Песня помогла мне: словно сняла с меня что-то тяжелое.

Я снова поднялся на корабль и попытался включить двигатели. И такая удача — двигатели заработали!

Я улетел с мертвой планеты и вскоре понял, что это — не Оранжевая звезда, а ее двойник, похожая на нее планета.

Потом я рассказал Хризантеме о звездах, которые видел в полете. Сколько их — даже не представить! Голубые звезды, белые, желтые, красные, зеленые, оранжевые — самые разные.

Красные и оранжевые звезды — гиганты. Белые и желтые — карлики. Есть двойные и тройные звезды, и целые скопления звезд, и одинокие звезды...

Так мы шли по Дикому лесу и говорили. И хотя мы были жителями разных миров, Хризантема понимала меня.

Глава восьмая

Академики в корабле

Вернемся чуть назад, в то самое утро, когда произошли такие важные события, как бегство из башни, бой во дворце и многое другое, о чем пойдет речь дальше.

Пока ничего этого не произошло. Пырей еще делает вид, что собирается лететь на вертолете осматривать сверху, все ли спокойно на Оранжевой звезде. Хризантема еще раздумывает, как ей раздобыть ключ от запертой башни...

Итак, именно в это утро на площади у дворца появились двое знаменитых ученых — известные академики Укроп и Лопух. Ученые были вызваны из столицы во дворец правителем Пыреем для осмотра космического корабля. О результатах осмотра академики должны были лично доложить правителью. Что там и говорить, ответственная возлагалась на них задача. И ученые это прекрасно понимали.

Укроп и Лопух стояли около открытого люка корабля и заглядывали внутрь его.

— Прошу вас, коллега,— сказал Укроп, приглашая Лопуха войти первым.

— Нет, нет, коллега... Для меня это слишком большая честь. Нет, лучше вы — первый,— с опаской отступил Лопух. Он явно боялся, как бы чего не произошло.

Укроп снисходительно посмотрел на Лопуха, усмехнулся и забрался в корабль первым. Убедившись, что ничего страшного или неожиданного не случилось, вошел в корабль и академик Лопух. Для этого ему потребовалось сделать лишь

один шаг: Лопух всегда ходил на ходулях и легко взбирался вверх.

Ходули академик изобрел сам. Они позволяли Лопужу, который был мал ростом, казаться более высоким, представительным и смотреть на любого собеседника сверху вниз.

Нет, без ходулей в жизни не обойтись — в этом академик Лопух был уверен. И потому даже в космическом корабле он не пожелал отцепить их.

Видя это, Укроп снова усмехнулся, но махнул рукой. И осмотр корабля начался.

Академик Лопух был известен на Оранжевой звезде тем, что занимался сразу всеми науками, какие только существуют. Он совершил великое множество открытий, а изобретений сделал еще больше. Не буду перечислять все, назову только некоторые из них.

Это Лопух изобрел прохладный огонь и теплый снег, пресную соль и горькие сладости, беззвучную музыку и темный свет. Кроме того, он является главным специалистом по правдивому вранью. Лопух также сконструировал машину по выпуску мыльных пузырей, счетчик для подсчета мух, автоматическую щетку для чесания пяток.

А академик Укроп был, так сказать, узкий специалист, то есть узкий не по своей фигуре, а потому что занимался не всеми науками сразу, а только одной из них, а именно воздухоплаванием. Он изобрел несколько типов первых на Оранжевой звезде вертолетов.

Укроп наивно надеялся, что его вертолеты принесут пользу: будут перевозить пассажиров в разные концы Оранжевой звезды. Но этого не произошло. Правитель Пырей использовал их для переброски своих солдат-кактусов и для осмотра местности сверху.

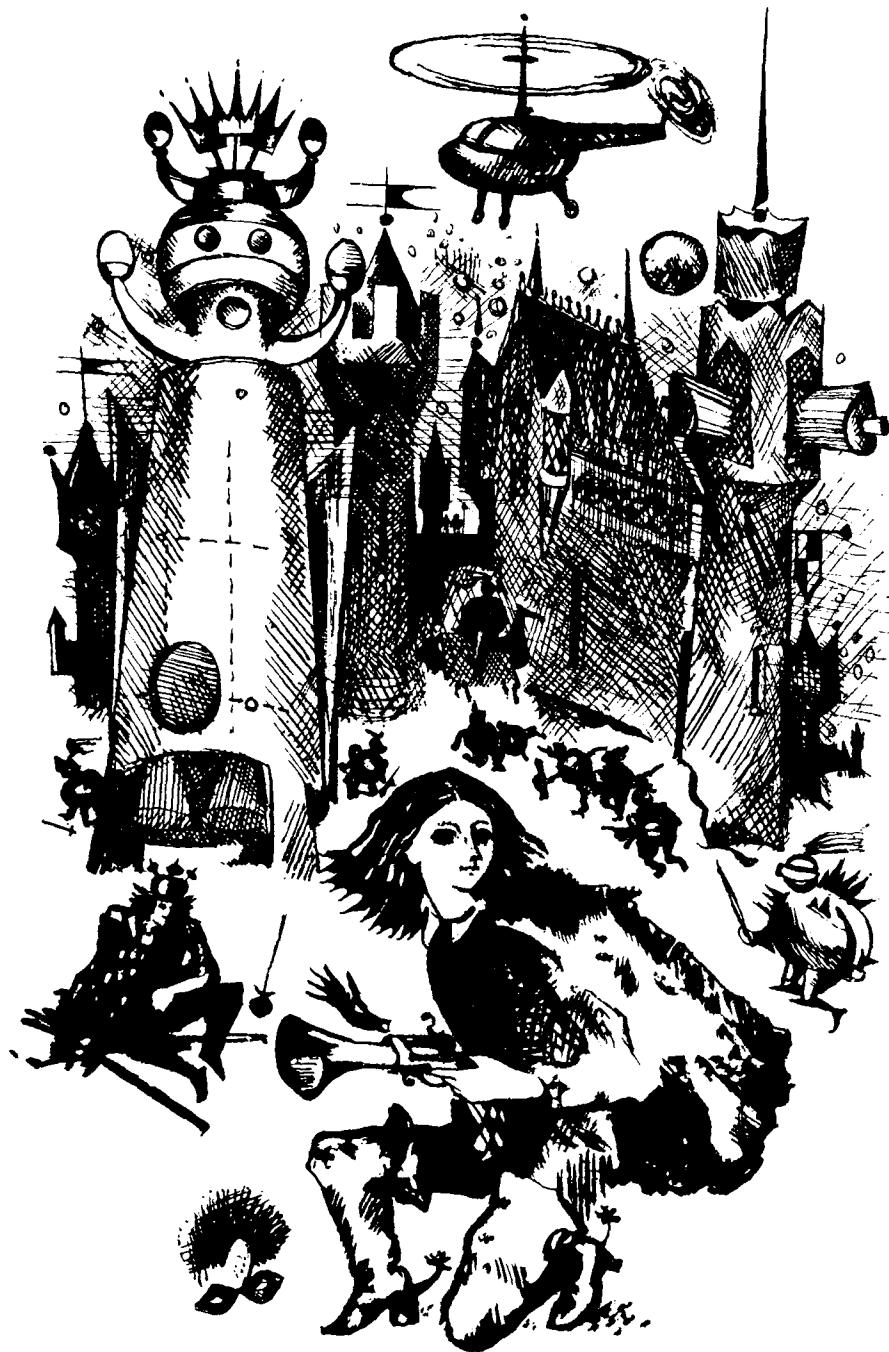
Укроп болезненно переживал это. Он хотел было даже бросить изобретательство, но не смог этого сделать. И сейчас он вместе с Лопухом с интересом знакомился с устройством космического корабля.

Завершив первоначальный осмотр его, академики направились к выходу, попутно обмениваясь мнениями.

— Каково же ваше первое впечатление, коллега, от этого чудо-корабля? — спросил Укроп.

— Я думаю, — с ученым видом сказал Лопух. — Я думаю... что этот, как вы изволили сказать, корабль летать не может.

— Почему же? — искренне изумился Укроп.

— Потому что... — Лопух выдал длиннейшую научную фразу, почти целиком состоявшую из сложнейших слов, которые должны были свидетельствовать об огромных знаниях академика.

— Я не разбираюсь в таких научных мудростях, — с усмешкой заметил Укроп, — но все же позволю себе с вами,уважаемый коллега, не согласиться.

— А где доказательства? Где ваши доказательства? — разгорячился Лопух.

Но тут разговор научных светил прервался: перед академиками появилась Астра — запыхавшаяся, разгоряченная, с распущенными волосами и с пистолетом в руке...

Прощальная песня Астры

Астра вела яростный бой с солдатами-кактусами. Это был великолепный бой! Астра замечательно сражалась! От ее выстрелов кактусы удирали врассыпную! Но Астра слишком увлеклась боем, и, когда собралась отступать, оказалось, что она окружена. Из боковой двери выскочил Пион-шпион и чуть не схватил Астру. Однако она увернулась от него и выпрыгнула в окно.

Астра оказалась на площади. Здесь солдат-кактусов было еще больше и среди них метался разъяренный правитель Пырей, выбравшийся уже из башни.

Увидев Астру, все яростно ринулись к ней. Бежать было некуда...

Астра бросилась к кораблю и там предстала перед академиками Лопухом и Укропом.

— Академик Укроп! — воскликнула Астра. — Простите, я не вернула вам пистолет. Он мне еще нужен... А теперь, пожалуйста, уходите из корабля!

— Может, я могу помочь... — начал было ученый.

— Нет! Я прошу! Уходите из корабля! — настойчиво повторила Астра. — Так мне лучше.

Укроп поспешил к выходу.

— И вы тоже! Скорее! — крикнула Астра Лопуху.

Тот, объятый страхом, замешкался и застрял между створок. Астра вынуждена была выталкивать его.

Потеряв равновесие, Лопух полетел кувырком вниз. Одна ходуля сорвалась с его ноги и угодила прямо в рот Пырею, который в этот миг пытался заглянуть в раскрытый люк.

Правитель упал. А перепуганный Лопух, пытавшийся вытащить ходулю, от волнения еще глубже затолкал ее в горло правителя.

Пырей закатил глаза от боли. Вокруг него поднялась паника. Никто не знал, что теперь делать.

Наконец догадались: побежали за доктором Женышенем. Доктор явился на площадь со щипцами и извлек ими ходулю из горла Пырея.

Правитель еле жив остался. Его уложили на ковер под деревом, напоили успокоительными каплями. Постепенно он немного пришел в себя и едва слышимым голосом приказал:

— На штурм... Взять корабль!

Забил барабан. Солдаты-кактусы, выставив карабины, двинулись к кораблю.

Академик Укроп встал у них на дороге.

— Не смейте! — закричал он. — Я не пропущу вас!

Но его отбросили в сторону.

Астра видела все это в иллюминатор. Она отложила пистолет и в последний раз обвела взглядом все вокруг.

Солдаты-кактусы уже ломились в люк корабля. Астра дернула рычаг управления. Корабль вздрогнул. Раздался шум его двигателей.

Солдаты-кактусы в страхе попятились. В клубах дыма корабль начал подниматься...

— Этого не может быть! Эта штука не летает! — не верил своим глазам академик Лопух.

— Не пускайте! Не пускай-те! — закричал Пырей.

Он попытался вскочить на ноги — упал... и умер от злости.

А корабль поднимался все выше и выше в небо. Астра смотрела вниз, но ничего не видела, так как ее глаза застилали слезы.

Но она пересилила себя, вскинула голову и гордо запела:

Надо взлететь хоть однажды!

Надо сегодня взлететь.

Это — сильнее жажды

И посильней, чем смерть.

Зовут меня дальние звезды,

И в этом моя беда.

Но ты не забудь меня все же,

Оранжевая звезда!

Глава девятая

В Странном ущелье

Весь день мы с Хризантемой шли по Дикому лесу. Когда уставали, садились отдохнуть под какое-нибудь дерево.

Все дальше в глубь леса уводила меня девочка-цветок с золотыми волосами. Наступил вечер.

Хризантема сказала мне, что любит вечернее время и еще любит туманы и сумерки, лунные лучи и свет звезд. Я присматривался к ней и думал: она не похожа на земных девочек.

Уже смеркалось, когда мы вышли на небольшую равнину, окаймленную лесом. Впереди возвышались две скалы, и между ними была расщелина, уходящая куда-то вглубь. Скалы напоминали ворота в подземелье.

— Это наверняка Странное ущелье, — сказала Хризантема и потащила меня следом за собой.

И тут мы увидели стоявший за огромным серым камнем вертолет. Сердце у меня екнуло: что еще за встреча нам предстоит?

Из вертолета кто-то вышел и двинулся нам навстречу.

— Отец! — крикнула Хризантема.

Да, это был ее отец, астроном Люпин. Я подумал: надо бежать, скорее скрываться. Но Хризантема удержала меня.

— Не бойтесь его. Он не сделает нам ничего плохого.

Астроном Люпин приблизился к нам. Руки его дрожали...

— Хризантема! Дочка! — с волнением произнес он.

Мне казалось, что я вижу не астронома Люпина, а кого-то другого — так он изменился. Он ничем не напоминал обладающего большой властью советника, а выглядел усталым и растерянным. Его голос звучал слабо и мягко. А может, он всегда был таким и только выдавал себя за кого-то другого.

Люпин обнял дочь.

— Почему ты здесь? — спросил он.

— Сама не знаю почему, — ответила Хризантема. — Просто мне казалось, надо обязательно идти к Странному ущелью.

— Ты не обманулась, — сказал Люпин. — Видишь, я тоже прилетел сюда.

Затем астроном Люпин рассказал нам о тех событиях, которые произошли после нашего бегства. Он рассказал о том, что Астра взлетела в космос, что правитель Пырей умер, а его солдаты и офицеры побросали оружие и разбежались кто куда. Жители Оранжевой звезды ликуют: они избавились от гнета тирана. Во дворце и на улицах столицы всюду танцы, звучат песни...

Конечно, мы с Хризантемой были рады узнать, что жители Оранжевой звезды теперь свободны. Но вот Астра... Как же это? Нам стало грустно, очень грустно оттого, что мы никогда не увидим ее больше.

— Астра, ты меня слышишь? — вдруг громко спросила Хризантема. — Ты слышишь, Астра? Мы всегда будем тебя помнить. Мне кажется, ты стала далекой маленькой звездой, Астра!

И в этот миг мы на самом деле увидели в высоком небе далекую светлую звездочку, она как будто мигнула нам и исчезла в темных глубинах неба.

— Ты стала маленькой светлой звездой, Астра, — повторил я вслед за Хризантемой. И почувствовал: Астра жива где-то в черном и вечном космосе.

— Но как же теперь вы? — Хризантема вытерла набежавшие слезы и посмотрела на меня. — Ведь теперь у вас нет корабля. Вы не сможете взлететь и вернуться на Землю. Ваш корабль — в космосе.

— Это был не мой корабль, — сказал я. — А чей он, я не знаю. Но это уже не важно. К сожалению, вы правы, Хризантема: теперь мне не на чем взлететь...

И тогда в разговор вступил астроном Люпин.

— Я очень виноват перед вами, — обратился он ко мне. — Простите меня, если можно. Я постараюсь загладить свою вину. Пойдемте за мной! И ты, Хризантема, тоже пойдем!

И он направился к входу в Странное ущелье. Мы пошли за ним.

Оказалось, что спуститься на дно ущелья нетрудно. Астроном Люпин хорошо знал местность и уверенно вел нас по утоптанной тропке вниз.

Из глубин ущелья клубами поднимался туман. Мы опускались все ниже и ниже, держась за росшие вокруг кусты. И когда обогнули крупный валун, я увидел перед собой на каменистой площадке... космический корабль.

Здесь, на дне Странного ущелья, не было тумана. Космический корабль стоял в нескольких метрах от нас под легким металлическим навесом. Он был очень похож на тот, на котором я прилетел на Оранжевую звезду, только имел другую окраску, голубоватую...

Мы с Хризантемой ничего не понимали. Откуда и почему здесь космический корабль?

— Отец,— попросила Хризантема,— объясни нам...

— Я объясню,— откликнулся астроном Люпин.— Я все вам объясню... Давайте присядем. И послушайте меня.

Рассказ астронома Люпина

— Я расскажу вам о том, о чем никому никогда не говорил,— сказал астроном Люпин.— Теперь я хочу сказать абсолютно все. И о себе, и об этом корабле.

Так вот знайте, у меня с детства была одна большая мечта. Я мечтал о космосе. Я хотел взлететь.

Когда я вырос, то стал студентом и лучшим учеником великого ученого, профессора Мака. В то же время власть на Оранжевой звезде уже захватил Пырей, и все, что касалось космоса, было запрещено. Но запретить мечту невозможно!

У профессора Мака были готовы тогда чертежи космического корабля. Профессор показал мне их, все объяснил. До сих пор помню, как я был тогда взволнован.

И вот тайком ото всех мы с великим ученым Маком в глубине Дикого леса, на дне Странного ущелья, начали строить два космических корабля. И с помощью специально сконструированных профессором роботов построили их.

На одном корабле должен был взлететь профессор Мак. На другом — я. Профессор взлетел. А я — нет. Я испугался... В последний миг перед взлетом меня охватил ужас:

вдруг я просто исчезну в бесконечном космосе, и никто об этом даже не узнает. И я не полетел.

Впрочем, корабль профессора тоже вскоре вернулся. Профессор не смог далеко взлететь: космические нагрузки оказались ему не под силу.

Он вернулся из космоса смертельно больным и сказал мне:

— Я не верю тебе больше, Люпин: ты предал не только меня, ты предал самого себя. Но у меня нет выбора, потому слушай мое завещание. Я вел в полете наблюдения, и пусть об этом узнают все. Вот, что я открыл в космосе, вот, в чем убедился: мы, жители Оранжевой звезды, пока не можем лететь в космос, наши тела слишком хрупки. Но мы все равно должны думать, работать, искать возможность для полета. Все равно мы когда-нибудь взлетим!

Профессор Мак умер. Я передал жителям Оранжевой звезды его завещание, но передал только первую часть его, о том, что лететь в космос нам нельзя. О второй части завещания я умолчал.

Что было потом, нетрудно представить. Я тайком запустил в космос корабль профессора Мака. Как теперь уже стало ясно, он долетел до дальней планеты — до Земли, и вы, — Люпин обратился ко мне, — вы нашли его и полетели на нем. А мой корабль так и остался в Странном ущелье. Профессор Мак перед кончиной был прав: я предал самого себя. Испугавшись, я предал свою мечту.

— Потом прилетели вы на корабле, — снова обратился ко мне Люпин. — Я заметался. Не знал, что делать. И вот взлетела Астра... Все это потрясло меня.

Правителя Пырея больше нет. Жители ликуют. А я прилетел к Странному ущелью. Зачем? Не знаю... Потянуло сюда. К кораблю, на котором я так и не поднялся.

Берите его, человек! — слово это прозвучало здесь, на Оранжевой звезде, очень торжественно. — Теперь корабль — ваш. И летите. А я... Мне больше нечего сказать. Как никто другой, я знаю: предавать мечту нельзя.

Люпин выглядел очень несчастным. Я пытался его утешить. Но почувствовал, что это невозможно сделать.

Поблагодарив Люпина, я пошел к кораблю. Хризантема провожала меня.

— Я хочу полететь с вами, — ее взгляд был взволнованным и грустным. — Но не могу. Вы понимаете меня?

— Да, понимаю, — ответил я.

Мне так хотелось взять ее за руку и повести за собой.
Но я знал, что этого нельзя делать.

— Прощайте, Хризантема,— сказал я.— Наверное, мы
больше не увидимся. Вы вырастете... Но для меня вы всегда
будете маленькой девочкой. Девочкой с Оранжевой звезды.

И я вошел в корабль, чтобы вернуться на Землю.

Да, я возвращаюсь на Землю,
Опять возвращаюсь к вам —
К земным и обыкновенным
Заботам, делам и словам.
Но на земле ночами
Мне будет светить всегда
Мечта, которой был верен,—
Оранжевая звезда.

Тайна моря

Море было спокойно. Оно чуть-чуть колыхалось около высокой старой скалы. Маленькое морское существо — прозрачная медуза, похожая на студенистый крохотный зонтик, подплыла к самой скале, наслаждаясь солнечной погодой. Внизу на неглубоком дне лежала оранжево-красноватая морская звезда.

— Как все прекрасно вокруг! — воскликнула медуза. — Мир такой простой и ясный. В нем есть море, старая скала, морская звезда и я. Как все просто.

— Это тебе кажется, что все просто, — заметила морская звезда. — Море такое большое, и в нем много жителей: и рыб, и животных.

— И гораздо больше, чем вы думаете, — заметила старая скала. — Я кое-что сама повидала на своем веку, а многое мне рассказали волны.

— Уважаемая скала, — поинтересовалась медуза, — а кто еще, кроме нас, живет в море?

— Невозможно всех перечислить, — ответила скала. — Море... ведь оно как огромный дом, и заселено — представьте только — сверху донизу, до самого дна. Миллионы и миллиарды рыб живут в нем. Самые разные — и крохотные, и большие. Есть очень забавные. Например, острые рыба-игла. Или летучая рыба — она умеет прыгать над водой. Есть рыба-прилипала — она прилипает ко всему, к чему только подплывает. А на глубине живет рыба-факел, она светится холодным огнем. А сколько разных животных в море!

— Довольно, довольно! — прервала скалу медуза. — Я уже устала от ваших рассказов.

Старая скала обиженно замолчала. Конечно, она могла о многом рассказать, но поняла, что медуза довольно легко мыслена и ей не стоит рассказывать что-либо серьезное.

Но тут в разговор снова вступила морская звезда.

— Я слышала от знакомого старого краба, — сказала она, — что море хранит много тайн, — и добавила, обращаясь к старой скале: — Не могли бы вы рассказать нам хотя бы об одной тайне! Пожалуйста, расскажите...

Старая скала некоторое время помолчала. Но ведь к ней обратились очень вежливо и с такой интересной просьбой! И она опять заговорила:

— У каждого есть своя тайна. А у кого ее еще нет, то со временем будет. Так говорил мне во времена моей молодости знакомый горный хребет. А он любил выражаться стихами. Так вот он говорил мне:

А у тебя нет тайны?
Так потерпи, дружок.
Поверь, она появится,
Когда настанет срок.

И правда, однажды, в далекие теперь уже годы, морские разбойники зарыли подо мной клад золотых монет. И я должна была хранить свою тайну. А что касается моря, то у него очень-очень много тайн. И не будет большим грехом, если я расскажу кое о чем.

И она рассказала, как однажды к Земле летел космический корабль. В нем были не люди, а жители другой планеты. Это были смелые и умные космические путешественники. Они пролетели огромные расстояния, преодолели много опасностей и трудностей в поисках Земли и, наконец, нашли ее.

Они увидели, как прекрасна Земля с ее равнинами и горами, лесами и реками, морями и океанами. Но случилось непоправимое. Уже приближаясь к Земле, корабль потерпел аварию и начал терять управление. Внизу были большие города и селения. А впереди виднелось море. Если бы корабль врезался в Землю, могло случиться огромное несчастье: произошел бы страшной силы взрыв и погибли многие тысячи людей.

Капитан корабля сказал своим друзьям:

— Рисковать нельзя.

Он в последний раз взглянул на них и рывком руля бросил падающий корабль в сторону от городов и селений. Бросил его в море.

Некоторые люди видели это падение, но решили, что в море упал большой метеорит — каменное космическое тело.

Конечно, все путешественники погибли.

— Но их поступок достоин восхищения, — закончила свой рассказ старая скала.

Морская звезда была глубоко взволнована тем, что услышала.

— Не верь ты этой старой скале, — посоветовала ей медуза. — Мало ли что она наговорит тебе. Вот у меня не было никогда никакой тайны и не будет. — И сердито отплыла подальше от скалы.

А морская звезда, дождавшись вечера, перебралась на самое мелкое место у берега и почувствовала сквозь тонкий слой воды, как в высоком черном небе сияют бесчисленные яркие звезды...

Девочка-наоборот

В третьем классе «Б» есть такая девочка. С виду она самая обыкновенная: две косицы, нос кнопкой, на носу веснушки. Но на самом деле не такая уж обыкновенная: еще совсем недавно эта девочка все делала наоборот. Ее так и прозвали — Девочка-наоборот.

Вот что было до последнего времени. Например, на уроке русского языка она украдкой откроет задачник и занимается математикой. На уроке математики она занята грамматикой. На географии учит историю, на истории — географию. А часто и вовсе не учит уроки. Заявляет:

— У нас все в классе уроки учат. А я не хочу быть похожей на остальных.

Ей говорят, что она просто ленится. Она только рукой отмахивается: меня, мол, никто не понимает...

На днях ребята из третьего «Б» собрались после уроков поработать в школьном саду. А Девочка-наоборот говорит:

— Я работать сейчас не буду. Я хочу отдыхать.

Ребята рассердились и ушли. А Девочка-наоборот осталась одна в сквере на скамейке. И тут подходит к ней какой-то человек в очках и клетчатом плаще. Этот человек стоял недалеко от скамейки и слышал разговор, который вели ребята и девочка. Так вот подходит он к девочке и говорит ей:

— Здравствуй!

— Здравствуйте, — отвечает она и радостно восклицает: — Ой, я вас узнала! Вы ведь в цирке выступаете, фокусы показываете? Вы фокусник-иллюзионист, да?

— Да, я выступаю в цирке и показываю фокусы,— говорит человек в клетчатом плаще.— Мне приятно, что ты меня узнала. Только мне не совсем приятно было узнать, кто ты такая...

— А кто я такая? — спрашивает девочка, будто ничего не понимает.

— Ты — Девочка-наоборот,— отвечает фокусник.— И тебе надо жить в Антимире.

— А что это такое — Антимир? — снова задает вопрос девочка.

— Это мир, в котором все не так по сравнению с нашим миром, все наоборот.

— Не очень мне это понятно,— признается девочка.

— А вот я прочитаю тебе стихи про Антимир, и ты сразу многое поймешь,— говорит фокусник.— И начинает декламировать такие стихи:

В Антимире, в Антимире
Все наоборот.
Там на первое к обеду
Подают компот.
В Антимире, в Антимире
Синие леса,
И зеленые над ними
Блещут небеса.
По морям-по океанам
Ходят поезда,
А по суще, по дорогам
Плавают суда.
В нашем мире ставят двойку
Лодырю опять.
В Антимире он, конечно,
получил бы пять.
Там в аптеках не касторка
И не рыбий жир —
Все лекарства заменяют
Фрукты и зефир.
Мы откроем,
Мы откроем,
Обязательно откроем
Этот Антимир!

Закончив читать стихи, фокусник сказал девочке:

— Мне кажется, что ты откроешь Антимир запросто. Тебе там как раз самое место. Хочешь там очутиться?

— Хочу,— сказала девочка.

— Тогда делай вот что,— посоветовал фокусник.— Когда сегодня ляжешь спать, укройся с головой одеялом и произнеси про себя несколько раз волшебное слово «Римитна». И попадешь прямо в Антимир.

— А это не больно? — спросила с беспокойством девочка.

— Нисколько не больно,— успокоил ее фокусник.

— А может, это просто-напросто какой-нибудь фокус? — засомневалась девочка.

— Никаких фокусов. Все всерьез. Так что счастливо тебе побывать в Антимире! До свидания! — попрощался фокусник.

— До свидания! — ответила девочка, растерянно глядя вслед уходящему человеку в клетчатом плаще.

Когда тот скрылся, она побежала домой.

Но всю оставшуюся часть дня время шло как-то особенно медленно. С трудом дождалась девочка вечера и легла спать пораньше. «Надо же,— удивилась мама,— обычно спать не загонишь, а сегодня сама... и в такую рань».

А девочка укрылась с головой одеялом и про себя произнесла волшебное слово «Римитна! Римитна! Римитна!». Но ничего не произошло. Совершенно ничего. Уж не обманул ли ее фокусник? Не пошутил ли? И опять девочка начала мысленно повторять это слово: «Римитна, Римитна, Римитна». Голова у нее закружилась. И она почувствовала, что проваливается вместе с кроватью куда-то вниз...

*
* *

Девочка оказалась в Антимире.

Ее встретили здесь приветливо. Местные жители окружили девочку и кричали:

— Тевирп! Тевирп!

Девочка догадалась, что это — слово «привет», произнесенное наоборот. Да если б только одно слово! Оказалось, что местные жители говорят на языке, в котором все слова произносятся наоборот. И понять их очень нелегко. Поэтому все остальные слова девочка не поняла.

Подошел переводчик. Он умел говорить не только на антимировском, но и на нормальном языке.

— Не огорчайся,— сказал он девочке.— Постепенно научишься говорить по-нашему. А сейчас я тебя провожу к известному у нас антиучителю. И он тебя многому научит.

«Вот еще... — подумала девочка. — Я, может, потому и хотела попасть сюда, чтобы ничему не учиться. Хватит, я и в нашем мире поучилась достаточно. А тут...» Но вслух она ничего не сказала.

Переводчик повел ее по улицам Антистолицы. Здесь все было так интересно!

Дома имели весьма странный вид: крыши внизу, фундаменты и подвалы вверху. По улицам двигались теплоходы, грузовые суда, катера. Они двигались только на красный свет. И останавливались, стоило зажечься зеленому.

К пристани по широкой реке подплыл пассажирский поезд. На зеленом небе светила луна (солнце в Антимире светит по ночам). В скверах и парках синели кустарники и деревья. Местные жители шли по улицам затылками вперед. Забавно было наблюдать все это.

Девочка читала названия уличных вывесок, а переводчик переводил эти названия на нормальный язык:

- Оник, — прочитала девочка.
- Кино.
- Акетпа.
- Аптека.
- Алокш.
- Школа.

Переводчик рассказал, что у здешних школьников каникулы бывают зимой, а летом все учатся. Начинают здесь учиться сразу с десятого класса, а кончают школу в первом классе. Самая лучшая оценка в Антимире — единица, и лучших учеников здесь называют «единичниками», а «пятерочников» стыдят, ругают и воспитывают.

Так за разговорами девочка и переводчик подошли к небольшому домику на окраине, где жил антиучитель. Перед его домом в саду на клумбе буйно росли овощи: горох, капуста, морковь (цветы в Антимире растут на огородах).

Антиучитель, седой и, видимо, очень мудрый, вышел на крыльцо. Переводчик начал что-то объяснять ему про девочку, но антиучитель сразу все понял без лишних объяснений.

— Понятно, — сказал он на нормальном языке и, обращаясь к девочке, спросил:

- Значит, ты любишь делать все наоборот?
- Конечно, — ответила девочка.
- Прекрасно! — одобрил ее антиучитель. — Ты будешь способной ученицей!

Но оказалось, что это не так-то просто — все делать наоборот. Например, ходить вперед затылком... Девочка попыталась так ходить, но постоянно натыкалась то на уличный столб, то на стену дома. И прохожие то и дело смеялись над ней.

А тут еще антиучитель сказал ей:

— Это еще не все. Тебе надо будет научиться ходить по потолку. Ведь настоящие антимировцы любят ходить не по полу, а по потолку.

Девочке от таких слов стало не по себе. К тому же ей надо было учиться антимировскому языку. Правда, некоторые фразы нормального и антимировского языков совпадают. Например, такие фразы:

- «А роза упала на лапу Азора»,
- «Искать такси»,
- «А буду я у дуба»,
- «Летел комок».

Все это читается и произносится, как в нашем мире, так и в Антимире, совершенно одинаково. Но таких фраз мало: раз-два и обчелся. Совпадают в антимировском и в нашем языке и отдельные слова: дед, заказ, око, топот, наган, шлаша и другие. Но таких слов тоже очень мало.

И девочка вынуждена была заучивать антимировские слова.

— Сон — нос, — зубрила она. — Вес — сев. Кус — сук. Икра — арки. Ток — кот. Луг — гул.

«Неужели, — подумала она с тоской, — мне теперь всегда кота надо называть током, а сон — носом?» Но это еще что... Это еще легко произносится. А большинство слов очень трудно в уме переворачивать. И чушь какая-то получается. Например, самое обыкновенное слово «девочка» надо произносить «акчовед».

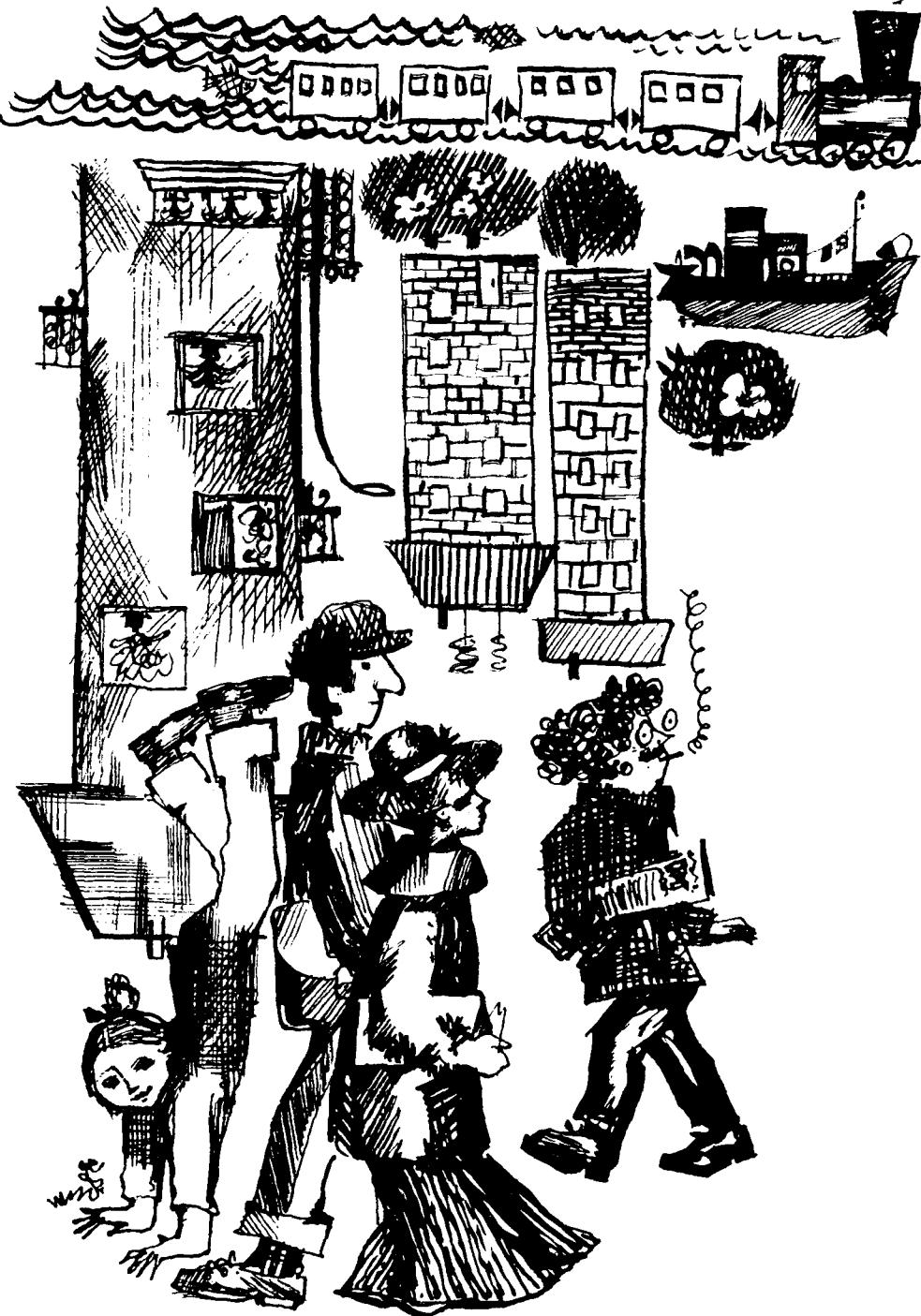
«Я так могу и язык вывернуть», — испугалась девочка. И еще она поняла: когда обязательно надо делать все наоборот, это уже становится неинтересным и утомительным.

Девочка пошла к антиучителю.

— Не хочу я всему этому учиться. Дайте мне что-нибудь полегче, — попросила она. — Дайте мне какое-нибудь самое легкое дело. Ведь не зря же я прибыла в Антимир... Не для того же я здесь очутилась, чтобы свой язык коверкать и шишки на затылке набивать.

Антиучитель подумал, подумал и спрашивает:

— Тебе, наверное, в вашем мире приходилось делать много разных дел? Например, учить уроки или убирать в доме.

— Приходилось, — вздохнула девочка.
— А тебе этого делать не хотелось? — поинтересовался антиучитель.

— Не хотелось, — созналась девочка.

— Что ж... у нас ты можешь ничего не делать. У нас ты можешь только развлекаться и отдыхать, — объявил антиучитель.

— Спасибо! — обрадовалась девочка.

Она даже не рассчитывала на такое. Ведь она была согласна даже делать что-нибудь, лишь бы дело было легкое. А куда уж легче — ничего не делать!

Девочка стала жить, лишь развлекаясь и отдыхая. Но прошло несколько дней, и выяснилось, что жить так совсем не просто. Оказывается, стоит просидеть три сеанса подряд в кино — и кино становится неинтересным. Покупаешься полдня в речке — и на речку не тянет. Съешь подряд пять порций мороженого — и на мороженое уже смотреть не хочется, к тому же горло болит...

Пытаясь девочка играть с другими детьми, но в Антимире все игры шиворот-навыворот: мальчики здесь играют в «классы» и куклы, а девочки — в войну и футбол. И опять наша девочка заскучала.

Пришла она снова к антиучителю и говорит:

— Помогите мне, пожалуйста. Мне не только скучно, но и трудно. Почему так?

А седой антиучитель ей ответил:

— Милая девочка, ты искала самое легкое дело. И думала, что легче всего ничего не делать. А это самое трудное... Да, всего труднее тогда, когда совсем нечего делать. Но ты ведь сама хотела этого.

«Да не хотела я этого», — подумала девочка и чуть не заплакала. Пошла она к своей кровати, потому что надо было уже ложиться спать.

В Антимире все спят под кроватями, но девочка на этот раз под кровать не полезла. Не захотела. А легла на кровать, укрылась с головой одеялом, закрыла глаза и произнесла тихо:

— Римитна! Римитна! Римитна!

И снова у нее закружилась голова. И кровать двинулась куда-то, полетела вверх... Трах! Бах!

Девочка открыла глаза, откинула одеяло. Видит: она в своей комнате. За окном утро. Пора вставать и идти в школу.

«Я все поняла,— подумала девочка.— И ни за что я теперь Девочкой-наоборот не буду. Ничего в этом хорошего нет — сама убедилась».

*
* *

Путешествие в Антимир для девочки окончилось благополучно. Правда, иногда ей кажется, что все это ей приснилось во сне. Может быть... Но, с другой стороны, есть убедительные доказательства того, что она все же побывала в Антимире.

Во-первых, она исправилась, стала обычной девочкой, а не Девочкой-наоборот. А это кое-что значит.

Во-вторых, всем известно, что в некоторых других классах и сейчас изредка встречаются девочки-наоборот и мальчики-наоборот. Возникает вопрос, не являются ли они жителями Антимира, лишь случайно попавшими в наш мир.

И, в-третьих, до сих пор не разгадан смысл слова «Римитна». Может, кто из ребят догадается, в чем тут секрет.

Хотеть невозможное

Первое утро

Яркое солнце залезло в наше окно и разбудило нас. За окном громко, дружно и весело шумели воробы. Наверное, они радовались утру и яркому солнцу.

— Дочка, бежим на море,— сказал я.

— Бежим! — Оля сразу вскочила с постели.

Мы приехали на юг из нашего родного северного города, чтобы отдохнуть, загореть, покупаться в море. Нам пришлось ехать в поезде почти две суток. Сегодня наше первое утро на юге.

...Мы схватили полотенца — и бегом умываться. Море — рядом. Оно открылось перед нами, спокойное, зеленовато-светлое, прозрачное. Оно сливалось с небом, и пароход, плывущий вдали, казался повисшим в воздухе. Чайки бродили по берегу. Мы вспугнули их и, зайдя в море по колено, смеясь и брызгая друг в друга, умылись еще холодноватой и соленой водой. Потом, полюбовавшись морем, пошли по берегу и свернули на маленькую, засыпанную песком улочку. Улочка привела нас на рынок. Здесь торговки лениво раскладывали на прилавках продукты и зелень. Пахло морем, свежей рыбой, цветами. Толстый кот спал около телефонной будки. Рядом стояла девочка семи-восьми лет и грызла яблоко.

Оля спросила, как зовут кота.

Девочка сказала:

— Филька.

Я купил красных яблок, желтых груш, синих слив, зеленого винограда, и мы пошли завтракать.

Сверху раздалось чье-то пение. Это на балконе одного из домов какой-то толстяк, выставив на солнце свой круглый живот, обтянутый красной полосатой пижамой, затянул веселую песенку.

На пляже

После завтрака мы ушли на пляж. Здесь было много шоколадных людей — взрослых и ребятишек. Они загорали на песке и купались в море. Конечно, они были не из шоколада — просто очень загорелые. По сравнению с ними мы выглядели совсем белыми.

— Ничего, — сказал я Оле. — Скоро мы тоже загорим и будем шоколадными.

Когда мы легли на песок, рядом с нами запрыгал мальчишка. Он стучал зубами и бормотал:

— Ой, холодно! Ой, хо-лод-но!

— Ты, наверное, целый час сидел в море, поэтому стал синим, — сказал я ему.

Он мне ничего не ответил и помчался по пляжу, чтобы согреться. А мы пошли в море.

Впереди нас шла очень полная женщина в ярком оранжевом купальнике. Налетела волна, ударила в женщину и... рассыпалась вдребезги. Налетела вторая волна и тоже разбилась о женщину, как об утес.

Я засмеялся. А в этот миг набежала третья волна и ударила в нас. Волна накрыла Олю с головой, но Оля сразу вскочила и, стряхивая брызги, тоже засмеялась.

Потом мы плавали. Правда, Оля пока еще плавать не умела. Ей этому надо научиться. А пока она плавала на надувном круге.

Море качало нас на своих волнах, море омывало нас, как бы проникая в самую душу.

— А хорошо бы переплыть море! — сказала Оля.

Мне тоже этого захотелось. Как всегда, мне хотелось невозможного — переплыть море.

Шторм

В ту ночь меня разбудил гром. Я осторожно вышел на крыльце. Вокруг была сплошная чернота. И вдруг небо озарилось мгновенным холодным огнем молнии. Вокруг загрохотало. Потом в винограднике рядом зашуршали, запрыгали какие-то крохотные зверюшки. Они подбирались все ближе, и вот две прыгнули ко мне на нос. Это были большие холодные капли. Я поспешил ушел в комнату и закрыл форточку. Оля спокойно спала.

Гроза так и не началась. Ветер угнал ее в сторону, и теперь гром грохотал где-то вдали.

А утром, когда мы с дочкой пошли на море, то увидели, что начался шторм. Что такое шторм? Это — буря на море.

Мы стояли на набережной, держась за металлическую ограду, смотрели, и нам было тревожно и интересно. Море кипело. Оно было покрыто белой пеной. Волны вставали на дыбы, бросались на берег и разбивались о бетон. Соленые брызги долетали до нас. А все небо до горизонта было закутано низкими туманными облаками.

Мы не знали, что где-то в море в это время погибает небольшое рыболовное судно — траулер. Это был старый труженик, он много лет честно работал, вынес много штормов, но на этот раз почувствовал — ему больше не выдержать.

Шторм оказался сильнее. Траулер изо всех сил боролся с высокими волнами, но сил оставалось все меньше и меньше. Он послал по радио сигнал бедствия, и сразу многие суда устремились ему на помощь. Но они были еще далеко.

Траулер уже знал — ему не спастись. Он думал не о себе, а о команде, которая была на нем. Главное продержаться до прибытия помощи, чтобы спасти людей. И помощь пришла. Огромный, высокий теплоход, мощно разрезая волны, приблизился к траулеру. И когда последний рыбак оказался на теплоходе, траулер с облегчением вздохнул и, дрогнув всем своим металлическим телом, начал тонуть.

Вода с ревом хлынула в его трюм. Черная глубина жадно потащила траулер вниз. Он опустился на дно рядом с обломками какого-то судна.

Это судно затонуло во время шторма очень давно, много веков назад. Оно везло в своем трюме прекрасную мраморную статую, древнюю богиню красоты. С тех пор мраморная красавица лежала на морском дне, и ее никто не видел.

И вот последнее, что увидел в своей жизни погибающий траулер, была именно она, эта прекрасная статуя богини. Траулер успел еще удивиться и замер... навсегда.

На морском дне стояла мертвая тишина. Здесь никогда не бывает штормов. А наверху шторм бушевал трое суток. Трое суток море было грозным и гневным. Потом утихло.

Проснулись мы утром и снова увидели яркое солнце. А море стало снова спокойным, прозрачным и ласковым.

К р а б ы

Всю неделю стояла жаркая погода. А потом выдался прохладный день, и мы отправились путешествовать пешком вдоль моря. Шли не торопясь, смотрели на все вокруг. Наконец немножко устали и проголодались.

— Вон тот камень будет у нас столовой,— сказал я Оле и показал на большой плоский камень.

Морские волны чуть омывали его. Когда мы подошли к камню, то увидели: на нем сидят несколько маленьких усатых крабов. Крабы сразу всполошились и юркнули под камень. Наделали мы им переполоху! Наверное, ругают нас под камнем: явились, мол, незваные гости. И кто-нибудь из крабов объясняет своим товарищам: «Хорошо, что мы их вовремя заметили. Знаю я их, этих людей. Люди бывают двух сортов: одни из них ловят крабов, другие не обращают на нас внимания. Но все же и им лучше на глаза не попадаться. Так что будем очень осторожны. Ведь неизвестно, как поведут себя эти двое, которые уселись на нашем камне».

А мы расстелили на камне газету, устроились поудобнее и начали закусывать: у нас с собой были фрукты, сыр, конфеты, свежая белая булка и две бутылки лимонада. Мы вели себя вполне прилично по отношению к крабам. Более того, я сказал Оле:

— Давай поделимся едой с крабами.

Оля покрошила в воду булку и сыра. Можно представить, какое это вызвало волнение под камнем...

«Я чувствую что-то очень вкусное!» — воскликнул совсем молоденький и восторженный краб.

Второй краб, рассудительный и осторожный, уверенно заявил: «Это приманка. Честное слово, приманка. Ох, до чего хитрые они, люди! Они хотят нас приманить и выловить. Но со мной этот номер не пройдет. Меня не приманишь!»

Но один из крабов, самый смелый, высунул усики из-под камня и с решимостью сказал: «Будь что будет. Уж очевидно, это вкусно выглядит. Я не в силах больше выдержать. Ешьте, что, не поминайте лихом».

Он браво выскоцил из-под камня и ухватил самую большую крошку.

«Ну что?» — с волнением спросил у него восторженный краб.

«Удивительно вкусно! Навались, друзья!» — воскликнул смелый краб.

И сразу все крабы выскочили из-под камня и начали хватать крошки булки и сыра. А то, что не смогли съесть, утащили под камень.

«Почему же они, эти двое, так поступили? — удивлялся рассудительный и осторожный краб, наевшись сыру. — Что-то я не понимаю...»

«А я понимаю, — с торжеством произнес восторженный краб. — Дело вот в чем: просто они добрые люди».

«Добрых людей не бывает, — с уверенностью возразил рассудительный и осторожный краб. — Они только кажутся добрыми».

«А вот и бывает! А вот и бывает! — заспорил восторженный краб. — И вот что я еще скажу: людям надо верить!»

И начался жаркий, долгий, очень умный и очень важный спор: можно или нельзя верить людям. Чем он кончился, мы не знаем.

Подкрепившись и немного отдохнув, мы пошли дальше, сказав «до свидания» плоскому большому камню и нашим новым знакомым — крабам.

Лунная дорожка

Был поздний темный вечер. Из-за горизонта поднималась большая красная луна. Мы стояли на берегу. Узкая лунная дорожка протянулась по морю и легла у наших ног. Мы пошли по берегу, и лунная дорожка тоже двинулась вслед за нами. Казалось, можно ступить на нее и бежать по ней. Мы долго любовались вечерним морем. А луна вставала над ним, все выше и выше, и вскоре все оно стало лунным.

П и с ь м о

Оля писала письмо своей подружке Маше.

«Здравствуй, Маша! — написала она.— Я живу недалеко от моря. Оно очень большое. По нему плавают пароходы. А вчера я видела, как в море прыгают дельфины.

Мы обедаем в столовой на набережной. Там всегда много народа. И еще в столовую всегда прилетает один нахальный и смешной воробей. Он летает надо всеми, прыгает по столам и просит хлебных крошек...»

А что еще написать в письме, Оля не знала. Я сказал ей:

— По-моему, ты зря написала про нахального воробья. Лучше попробуй описать Маше море.

Оля ответила мне вполне серьезно:

— Описать море невозможно.

И я подумал — она права. Пытаться описать море — значит, хотеть невозможное...

Приключения шляпы

Вечером по набережной спешил пожилой и солидный человек в соломенной шляпе на голове. В руке он держал крохотный букетик цветов. Вероятно, он хотел кому-то подарить этот букетик.

Но вдруг налетел ветер и сорвал с головы солидного человека шляпу. Человек бросился за ней вдогонку, с досадой швырнув на асфальт букетик цветов.

Человек бежал, тяжело отдуваясь, и почти догнал свою шляпу. Он уже протянул к ней руку, но ветер дунул посильнее, и шляпа взмыла в воздух, полетев в сторону моря. Ей было интересно лететь. Она подумала: «Может быть, я буду первой шляпой в мире, которая перелетит на другой берег моря». Но тут озорной ветер оставил ее, шляпа начала падать и неожиданно повисла на мачте грузового судна, стоявшего в порту.

Все это мы с Олей видели, гуляя по набережной. Но мы не слышали разговора судов, отдыхавших после рейсов.

Разговор шел о поэзии.

«Разрешите прочитать вам мое новое стихотворение, — сказала Оля, — на мачте которого висела шляпа.— Мной селен в порт сладкий груз: сгущенное молоко и стихотворение написано под впечатлением этого...»

«Читай! Конечно, читай!» — отзвались другие суда.
И судно, доставившее сладкий груз, начало с выражением декламировать:

Шумит Молочный океан,
Закутанный в парной туман.
Встают в тумане берега —
Они из творога.
Сияет круглая луна —
Из сыра в дырочках она.
Встречает нас прекрасный порт —
Огромный ароматный торт.
Здесь пушки шоколадные
В честь путников палят,
Снаряды мармеладные
Из их стволов летят.
Сюда со всех концов земли,
Сюда со всех сторон
Безут девчонок корабли,
Безут мальчишек корабли,
Безут сюда сластен.
Мы обожаем этот порт —
Огромный ароматный торт.

«И это все?» — спросила шляпа.

«Все», — последовал ответ.

«Ерунда! — убежденно заявила шляпа. — Таких портов не бывает».

«У тебя просто мало фантазии, шляпа», — заметила баржа, доставившая в порт уголь.

«И вообще, никто тебя не приглашал к нам. Так что убрайся подобру-поздорову», — сказало лесовозное судно.

Шляпа хотела возмутиться. Но в это время снова подул ветер, подхватил ее и понес в сторону набережной, где солидный человек искал свой букетик цветов. «Раз уж шляпа потеряна, то хотя бы букетик найти. И зачем это я выбросил его?» — ругал он себя, вздыхая.

Букетик он увидел в луже, нагнулся за ним, и... раз — шляпа снова села ему на голову. От неожиданности солидный человек сам свалился в лужу.

«Эх ты, шляпа!» — закричали ему.

А шляпа была очень довольна: она снова оказалась на привычном месте. На том и закончились ее приключения.

Прощание

Мы прощались с морем. В последний раз мы поднялись на каменный утес, чтобы лучше увидеть все вокруг. Справа от нас была пристань, набережная, городские дома — все в зелени. Слева — холмистый берег. Позади — дорога, рыже-зеленые виноградники, выше — лес, и надо всем — сверкающие вершины гор.

А впереди было зеленое спокойное огромное море...

С чем сравнить тебя, море? Трудно найти сравнение.

Может, море — это сама жизнь с ее мелями и глубинами, с ее бурями и тайнами?..

Мы стояли на утесе и смотрели в сверкающий солнцем простор.

До свидания, волны! До свидания, медузы, рыбы, дельфины, крабы — все, кто живет в этих морских глубинах! До свидания, камни и скалы! До свидания, море!

А потом мы уехали. Мы вернулись в наш родной северный город. Мы его очень любим и не променянем ни на какой другой.

Но море вспоминается и даже снится ночами. И когда я писал эти строки, мне казалось, что они пахнут морем.

Вологодский клад

Имя человека, о котором пойдет мой рассказ, сегодня забыто, но в прошлом он был знаменит как путешественник и художник. Голландец по национальности, он объехал много стран. Побывал и в России, в том числе в наших северных местах — в Вологде и Архангельске. Все увиденное он описывал в своем дневнике. Этот дневник сохранился и частично переведен на русский язык. Записи в нем о действительных событиях и фактах чередуются с легендами и сказаниями. И можно представить, что увидел и узнал этот человек у нас на Севере.

1

27 марта 1707 года в два часа пополудни в Вологду въехала группа иностранцев. Среди приезжих выделялся своим мужественным видом высокий человек в оранжевом плаще. Приезжие были купцами, а человек в оранжевом плаще — художником и путешественником. Звали его Корнилий де Бруин. Он уже вторично посещал Вологду и потому знал город.

Отделившись от своих спутников, Бруин направил коня к реке — туда, где на берегу среди амбаров и других хозяйственных построек возвышался приветливый каменный дом под зеленою жестяной крышей. Здесь кончалась московская грунтовая дорога. За домом виднелись мачты небольших судов у причала.

Бруин соскочил с коня. На крыльце выбежал хозяин, он радостно приветствовал гостя и повел его в дом.

Засуетились слуги. Из амбаров понесли мясо, рыбу, птицу, разные сладости, вино — все необходимое для праздничного ужина. В доме богатого голландского купца Иоганна Гутмана принимали Корнилия де Бруина как почетного гостя.

Сначала гость немного отдохнул с дороги. Потом после обильного и вкусного ужина состоялась приятная беседа.

Изразцовая круглая печь, на которой были нарисованы плывущие корабли, девы-сирены с прекрасными лицами и рыбьими хвостами, гигантские морские змеи и другие подводные чудовища, дышала жаром. Около нее в резных креслах, попивая кофий из фарфоровых чашечек, уютно расположились хозяин дома Иоганн Гутман, его юная дочь Анна, золотоволосая и румяная, как алый тюльпан, сосед и соотечественник Гутмана — купец Генрих Клюк, скучавший в Вологде зерно и сало и продававший здесь голландское сукно, и Корнилий де Бруин.

Сначала разговор шел об их родине, которую каждый расхваливал.

Ах, сколько воды в Голландии! Здесь нередко вместо улиц — каналы, и корабли плывут мимо домов. Протяни только руку — и можно достать мачту из окна.

Ах, сколько в Голландии ветряных мельниц! А сколько цветов, особенно тюльпанов... Прекрасна Голландия — страна мореходов, мастеров и художников.

— А какого вы мнения о городе Вологде, господин Бруин? — спросил Иоганн Гутман у гостя.

— Мне нравится Вологда, — ответил Бруин. — Я уже был здесь и вот какую запись сделал в своем дневнике. Позвольте мне прочитать ее.

И он начал читать: «Город, как известно, составляет украшение страны. Длина города составляет добрый час, ширина около четверти часа. Его некоторые постройки производят прекрасное впечатление. Здесь есть многие лавки и торжища, наполненные всякими товарами».

Все присутствующие согласились с Корнилием де Бруином. А Иоганн Гутман добавил, что ему нравятся порядки, которые устанавливает в стране царь Петр Первый.

Бруин на это заметил, что он встречался с Петром Первым и у государя — большие планы на будущее.

Но тут в разговор вмешалась дочь Гутмана Анна.

— Ах, неужели в такой вечер нельзя оставить деловые разговоры, — заявила она. — Я знаю, господин Бруин объе-

хал полсвета. И я умираю от желания послушать его рассказы о путешествиях в далечие страны.

Бруин сказал, что он рад служить прекрасной Анне и готов рассказывать о своих путешествиях до скончания века, если она будет его слушать. Только вот о какой из стран ему рассказать? Ведь во время путешествий он проехал Германию, Италию, Грецию, Турцию, Сирию, Палестину, Персию, Индию, побывал на островах Цейлон и Ява. Завтра в Вологду прибудет целый возок с его рисунками и картинами.

— О чём вы хотели бы послушать? — обратился Бруин к Анне.

— А вы рассказывайте обо всем по порядку, — сказала Анна. — Каждый вечер. И я буду слушать хоть всю жизнь.

Бруин улыбнулся и начал свой рассказ, который затянулся до глубокой ночи.

А на другой день он нанял полдома недалеко от пристани и теперь уже каждый вечер приходил к Гутманам. И каждый раз он рассказывал что-нибудь новое о своих путешествиях. И его рассказы были необыкновенными.

Он говорил о разных странах, о бесчисленных народах и их обычаях, о громадных городах, дворцах и храмах. Говорил о гигантских горах, многоводных реках, жарких морях, вечнозеленых лесах и об их обитателях — слонах, крокодилах, обезьянах, змеях.

Анна была в восторге. А вот Генрих Клюк, который тоже приходил каждый вечер к Гутманам, явно скучал. Ему более интересны были разговоры о ценах, покупках и продажах. И он все больше и больше мрачнел, видя, как увлечена рассказами Бруина золотоволосая Анна.

В один из вечеров Клюк удивил всех, сказав Бруину:

— Конечно, ваши рассказы, господин Бруин, очень занимательны. Но я осмелюсь вам заметить, зачем ездить за чудесами так далеко, если они есть рядом? Стоит ли стремиться на край света, если не видишь того, что поблизости от тебя?

— Что вы имеете в виду? — спросил Бруин. — Объяснишься!

— И объяснюсь. Я слышал — и эти сведения верны, — сказал Клюк, — что в Вологде зарыт клад, спрятаны ценнейшие сокровища. Но никто, ни один человек, не может этот клад найти.

— Ах, как вы интересно сегодня говорите, господин Клюк, — воскликнула Анна. — Но неужели никто не в силах отыскать этот клад?

— Вот именно — никто, — подтвердил Клюк.

Бруин пристально посмотрел на Анну и произнес:

— Если такой клад существует, даю слово — я найду его.

2

В те времена вдоль речки Золотухи тянулась мощная каменная стена толщиной в четыре метра. Стена включала в себя девять высоких башен, построенных в древности. Правда, все это уже несколько обветшало, но тем не менее Вологодский кремль имел еще грозный вид.

За каменной стеной среди прочих строений, прилепившись к одной из башен, стоял невзрачный, покосившийся домишко.

В нем размещалась харчевня и всегда имелись в продаже горячая еда и вино.

Ненастным апрельским вечером в харчевне было мало посетителей — всего двое, и потому толстый хозяин слегка скучал от безделья. Он подсел к русоволосому парню в одежде, измазанной землей, и положил перед ним на пустое блюдо копченую рыбину.

— Вот тебе, Ивашка, окунь белозерский, — сказал хозяин. — Знаю, нет у тебя больше ни гроша. Даром угощаю. А ты мне за это расскажи что-нибудь занятное. Ты ведь у нас парень-выдумщик. Только ты не выдумывай, а скажи по правде, что ныне в народе слышно, а?

Ивашка-землекоп допил вино из глиняной кружки, с удовольствием понюхал окуня, разломил его на две части и не спеша начал есть.

— Спасибо за угощение, хозяин, — поблагодарил он. — А в народе говорят вот что: царь-то наш, его императорское величество Петр Первый, повелел построить у моря новую столицу — славный город Санкт-Петербург. Распрекрасный это должен быть город — всему свету на удивление! А как такой построишь? И задумал царь собрать из многих русских городов для такого дела наилучших в разных ремеслах мастеров. И из Вологды нашей решил государь Петр Первый самых искусственных мастеров забрать в Санкт-Петербург: и каменщиков, и плотников, и резчиков, и живописцев, и многих прочих.

— Ой, ой, ой! — заикался хозяин. — Что и будет? Что теперь и будет?

— А вот что будет... — разъяснил Ивашка. — Обезлюдеет изрядно наша Вологда, лучших мастеров лишится. И в стороне от торговых путей останется. Торговля-то с иноземцами

пойдет теперь через новую столицу, через Санкт-Петербург.

— Ой, ой, ой! — засокрушился снова хозяин. — Как жить-то будем?

— Проживешь! — сказал ему Ивашка. — Вон у тебя какое брюхо круглое да толстое. И Вологда не зачахнет, потому что хранит одну тайну. Слушай меня, хозяин, и верь: зарыт в нашей Вологде богатый клад. Спрятаны у нас в земле несметные сокровища.

Ни Ивашка, ни хозяин не заметили, как при этих словах за соседним столом вздрогнул посетитель, все время кутавшийся в оранжевый плащ. А Ивашка продолжал:

— Знаю я эту тайну, хозяин. Только не открою ее тебе.

— Да мне-то тайны и не надо, — испугался чего-то хозяин. — Зачем мне она? А ты вот что, Ивашка, не болтай-ка лишнего. Да и иди-ка домой — пора тебе!

Ивашка усмехнулся, доел окуня, сказал «до свиданьица» и шагнул за порог. И сразу человек в оранжевом плаще тоже встал со своего места, бросил хозяину крупную монету и, ничего не сказав, покинул харчевню.

Ночь была темная, ветер, грязь... Шагает по грязи Ивашка и чувствует: кто-то его догоняет. И слышит он резкий голос:

— Стой на месте!

Испугался Ивашка. Прижался к каменной стене как раз под висящим тусклым фонарем и видит: надвигается на него высокий незнакомец. По виду — иноземец, в плаще и шляпе, рука — на рукоятке шпаги.

— Открой мне, Ивашка, тайну, — говорит иноземец по-нашему, но по-иностранныму русские слова выговаривая. — Скажи, где зарыты вологодские сокровища?

— Не могу я тебе этого сказать, господин иноземец, — отвечает Ивашка. — Никак не могу. Ведь сокровища-то — они нашиенские, вологодские.

— Не скажешь? Тогда я убью тебя! — выхватывает шпагу и направляет ее в Ивашкину грудь Корнилий де Бруин.

— Уж коли так... то придется говорить, — соглашается Ивашка. — Только не лишай меня жизни. Жизнь-то дороже тайны.

— Говори! — приказывает Бруин.

— Но сперва, — просит Ивашка, — ты, господин иноземец, клинок свой убери и в меня им не тыкай. Я этого никак не люблю.

Бруин опустил шпагу. Ивашка вздохнул облегченно и начал рассказывать:

— Я ведь, господин иноземец, по ремеслу своему — землекоп. А дело было так: как-то копали мы, землекопы, канаву около Софийского собора на Соборной горке — есть такая горка, в Вологде ее каждый знает. Ну так вот, значит, копали... и наткнулись на подземный ход. Сыростью да гнилью пахнуло на нас. Товарищи мои испугались. «Давайте, — говорят, — робята, закидаем этот ход землей. Как бы чего не вышло». А мне любопытно стало. «Погодите, робята, — говорю я им, — любопытно все же взглянуть». Спустился я в подземный ход и пошел по нему. Иду согнувшись. Темно. Сыро. Страшно. Вдруг чувствую на ощупь — передо мной железная дверь. А из-под двери — тоненькая полосочка света. Да и не свет это, а сияние какое-то. Стало мне совсем жутко. Такой страх напал, что побежал я назад. Выскочил наружу и дальше бегом. Сотоварищи мои, землекопы, за мной бегут. «Что? Что?» — спрашивают. «Погодите, братцы, — говорю. — Дайте отдохнуться». — «Да что же там все-таки такое?» — наступают они на меня. «Не знаю точно, — я им отвечаю. — Но вроде бы клад. Сияют там из-под двери чудные сокровища». Вернулись мы назад. И что ты думаешь — нет больше подземного хода, закрылся ход, и не видно даже, где он был. Тогда мы и поняли: клад этот заколдованный. И просто его не возьмешь.

— Что же делать надо? — спросил Бруин.

— Есть такие средства, чтобы расколдовать, — ответил Ивашка. — Советовался я со стариками, они посоветовали кое-что верное. Хотел было я сам искать, только вот одному боязно.

— Я не испугаюсь, — сказал Бруин. — Давай искать вместе.

— Давай, — согласился Ивашка. — Но только ты сперва ответь, для чего тебе нужны сокровища? Для корысти? Разбогатеть хочешь?

— Нет, — твердо произнес Бруин. — К богачеству я не стремлюсь. А нужны мне эти сокровища, чтобы подарить их девушке, которая красивее всех на свете...

— Неужто всех красивей? Не ошибаешься ли? — усмехнулся Ивашка. — Ну ладно, дело это доброе. Значит, клад искать можно. Приходи ко мне завтра — живу я в землянке у Ленивой площади — и начнем.

— И начнем, — отозвался Бруин и вложил в Ивашкину руку серебряную монету.

Затем они разошлись в разные стороны, довольные друг другом.

Вологда просыпалась рано и сразу принималась за дела.

Открывался гостиный двор, где продавали заморские и русские товары: сукна, шелка, оружие, посуду, хлеб, пушнину, лен, сало... Открывались торговые ряды у каменной стены вдоль реки Золотухи: мясной и рыбный, соляной и свечной, сапожный и серебряных дел... Купцы нахваливали свои товары.

В кузницах кузнецы брались за молоты — только звон стоял. В Вологде много было кузниц.

Каменщики шли возводить новый каменный храм.

Канатчики вязали канаты.

В центре города, близ Софийского собора, открывались каменные палаты. Скрипели перьями писцы, переписывая разные бумаги. Дьяк, их начальник, отдавал им приказания.

Вдоль собора стрельцы с ружьями в руках шли в дозор. Палач на площади пробовал новый кнут: хлестал им воздух, чтобы вечером достойно наказать пойманного воришку — не воруй больше.

Воевода, городской начальник, еще спал, а слуги в его доме во всю трудились: готовили еду на кухне, перебирали всякое добро в амбара, холили коней на конюшне, ловили карасей в специальном домашнем пруду... У каждого было свое дело.

А Бруин и Ивашка шли вместе по городу. И Ивашка объяснял Бруину:

— Сперва надо сделать заказы у Семена-деревяшника, у сестер кружевниц Натальи да Марфы, да у Агея-живописца. Все они — мастера преотличные. А живут худо. Заказов давно не имеют. Надо бы помочь добрым людям.

— Но ведь мы должны не людям помогать, — говорит Бруин, — а клад отыскивать.

Смутился Ивашка, но сразу нашелся...

— А эти мастера, — говорит он, — нам такие изделия изготавляют, которые клад сразу расколдуют. Только много ли у тебя денег, господин Бруин?

— Денег хватит, — отвечает Бруин. — Я в Москве портрет вашего царя Петра Первого рисовал, а также портреты царицы и приближенных. И царь меня щедро наградил.

— Тогда оплачивай хорошенько, не скучись, — говорит Ивашка. — Быстрее клад расколдуем. Да и мне бы деньжат — ох как надо!

— Зачем же тебе деньги? — спрашивает Бруин. — На ви-
но, что ли?

— Нет, не на вино, — отвечает Ивашка. — Хотел бы я же-
ниться. Нравится мне одна девушка Олена, что из села Устье.
Да подневольная она — принадлежит барину-помещику... Хо-
тел бы я ее, Олену, из неволи выкупить.

— Достойное желание, — говорит Бруин. — Будет тебе хо-
рошая оплата, если мне поможешь.

— Помогу, помогу, — обещает Ивашка. — Только ты меня
во всем слушайся.

Бруин пообещал слушаться. И они пошли сначала к Семе-
ну-деревяшнику, потом к сестрам кружевницам Наталье да
Марфе, а после к Агею-живописцу. И везде сделали заказы, и
Бруин везде деньги вперед давал и платил щедро... Мастера
обещали быстро заказы исполнить.

А вечером, попивая кофий у разрисованной печки, Генрих
Клюк спросил с ехидцей у Корнелия де Бруина:

— Ну как, господин Бруин, не напали ли вы на след во-
логоодских сокровищ? Помнится, вы дали слово...

— Не сразу, не сразу, господин Клюк, — ответил Бруин. —
Но признаться, кое-что уже сделано...

И прекрасная Анна подняла свои большие глаза на Бруи-
на и улыбнулась ему.

4

Первым оказался готов заказ у Семена-деревяшника. Вы-
резал Семен из дерева фигурку воина на коне. В золоченых
латах воин, в красной накидке, в руках копье, а вздыбленный
конь под ним голубой. Залюбовался Бруин изделием — искус-
но вырезано.

— Но почему, — спрашивает у мастера, — конь голубой?
Разве такие бывают?

— Были такие кони в старину, — объясняет Семен-дере-
вяшник. — Знали таких наши деды и прадеды. Голубые кони
в старину очень ценились.

Поблагодарил Бруин мастера за фигуру всадника. И еще
ему плату добавил. Но только когда они с Ивашкой вышли
на улицу, Бруин говорит:

— Работа очень хороша. Но никак не пойму, чем этот де-
ревянный всадник нам поможет. Зачем он нам?

— Это всадник, — поясняет Ивашка, — не простой. Это во-
ин-змееборец. А зачем он нам, я пока тебе не скажу. Подож-
ди до завтра...

Принес Бруин деревянного всадника к себе домой, прислонил его к стене и сам лег спать — было уже под вечер. Спал Бруин тяжело. Чудилось ему во сне, что рядом какая-то опасность. Встать бы, схватить верную шпагу, но никак не мог он проснуться до утра...

А утром пришел к нему Ивашка, и Бруин, у которого после ночных кошмаров голова болела, с некоторым раздражением спросил:

— Так зачем же нужен этот деревянный всадник? Ты обещал сказать...

Ивашка помялся, помялся, а потом объяснил:

— Видишь, господин Бруин, у всадника конец копья в пепле измазан. А откуда пепел? Не знаешь? А я знаю... Было это сегодняшней ночью...

И начал Ивашка рассказывать, как сегодня в полночь летал над городом огненный змей — чудище поганое, крылатое, из пасти пламя. Почувствовал змей, что заколдованный клад кто-то хочет расколдовать. Не по нраву ему такое, и прилетел он, чтобы помешать. Кружит, кружит над крышами, все ниже опускается. Люди спят. Никто змея не видит.

Но не спит почему-то молодая девица Анна, дочь голландского купца Гутмана. Сидит она у окна, смотрит на месяц ясный — то ли мечтает, то ли грустит о чем...

Увидел ее огненный змей — и сразу про клад забыл, потому что красная девица для него прелестнее любого клада, желаннее всего на свете. Так вот увидел змей Анну в окне — влетел в трубу, обернулся красавцем королевичем и предстал перед ней. Испугалась Анна. А он говорит:

— Не бойся меня, красавица, а полюби. Видишь, как я красив. Пусть я буду тебе милее светлых звезд, милее зеленых трав, милее солнца красного, милее текущих и стоячих вод, милее отца родного, милее всего света вольного. И произносит еще такое заклятие: — С этой поры думай только обо мне — при солнце и при утренней заре, при младом месяце и на ветре-холоде, на прибыльных и на убыльных днях. Думай об одном мне, а остальных забудь — отныне и до века!

Заколдовал змей Анну. Хочет она крикнуть и не может. Хочет бежать — ноги не двигаются. И уже очей своих оторвать от змея не в силах. Быть бы беде, да ожил в то время деревянный всадник-змееборец. Помчался он как вихрь по улицам на голубом коне и стал большим и могучим.

Повернул голубой конь к дому купца Гутмана. Услыхал змей деревянный скок — испугался. Взвился в трубу, хотел улететь. Да не тут-то было! Метнул всадник копье и поразил

змея на лету. Завопил змей, рухнул наземь, вспыхнул синим огнем и сгорел дотла.

— А воин-змееуборец, — закончил свой рассказ Ивашка, — возвратился в твой дом, господин Бруин, уменьшился до малого размера, к стене прислонился и опять застыл. Только на копье его немного пепла-золы осталось...

— А что же Анна? — спросил Бруин.

— Анна заколдована была, ни о чем ночном не помнит, — заверил Ивашка. — Но вреда ей не было. Спас ее всадник.

— Придумал ты все это, наверное, Иван, — задумался Бруин. — Но если и придумал, то складно. Так что за воина на голубом коне спасибо! А теперь пошли за следующим заказом.

С той поры Бруин проникся уважением к своему вологодскому знакомому и стал называть его уже не Ивашкой, а Иваном.

5

Между тем сестры кружевницы Наталья да Марфа тоже исполнили заказ: сплели кружевное покрывало. На том покрывале день с ночью встречаются: с одной стороны солнце, с другой месяц, а посередине чудо-дерево узорчатое.

— Таких кружев я еще не видел, — признался Бруин. Добавил он плату кружевницам, забрал покрывало, и вышли они с Иваном на улицу. Тут Бруин опять говорит: — Красивы вологодские кружева. Только зачем они нам?

Не успел Иван ответить, как внезапно налетел сильный ветер-вихрь, какого в Вологде никогда и не бывало. Застонали, зашумели деревья, вздыбились волны на реке, хлынули на берег. Закачались заборы и ворота, полетели наземь. Сорвал вихрь несколько крыш, закружили их в воздухе. Где уж тут человеку устоять! Выронил Бруин покрывало, но Иван его подхватил и развернул навстречу ветру. Вдруг словно что случилось — стал ветер-вихрь стихать, слабеть и вот уже стих совсем.

— Откуда взялась такая буря? — удивился Бруин. — Не понятно даже.

— Все понятно, — говорит Иван. — Могу пояснить, что и как.

— Поясни, — попросил Бруин.

И Иван растолковал ему, что, мол, послана буря была нечистой силой. А что такое нечистая сила? А это — все страшное, тайное. Нечисти на свете много. В домах, в подвалах

и на чердаках прячутся буки, анчутки беспятые, мороки. В реках и озерах скрываются под волнами русалки и водяные. По лесам бродят лешие, кикиморы, змиевны, лесовки, шишиги-ведьмы. Некоторые из них безвредные, но многие злые, и ненавидят они все живое, человеческое. Эти и людям стараются вредить, и посевы портят. Для них и цветы, и травы, и деревья ненавистны. Только все живое сильнее их, потому что где-то далеко в гуще лесов растет дивное дерево — дерево жизни. Глубоко ушли его корни, высоко шумят его ветви. Это дерево помогает расти хлебам, ягодам, травам, деревьям. Охраняет оно все живое... Боится нечистая сила чудесного дерева.

— Вот и нынче,— сказал Иван,— наслала нечисть на нас невиданный ветер-вихрь. Худо бы нам пришлось! Да развернул я кружевное покрывало, а на покрывале кружевницы дерево жизни вышили. И запутался ветер-вихрь в его кружевых ветвях.

— Опять ты, наверное, Иван, придумал, — заметил Бруин. — Разве может кружево от бури защитить?

— Напрасно не веришь,— обиделся Иван, — вологодское кружево — ох, не простое, а с умыслом...

— Кружево на самом деле чудесное,— согласился Бруин.

А вечером в своем дневнике он записал, что в Вологде была сильная буря, быстро налетевшая, но так же быстро стихшая. И такую запись может в старинных книгах прочитать каждый, кто хочет убедиться, что это — не выдумка.

6

Тем временем Агей-живописец тоже исполнял свой заказ. Взял он широкую еловую дощечку, ровно и гладко ее обтесал. Покрыл дощечку в несколько слоев левкасом — смесью толченого мела с клеем. Пригладил все маленькой деревянной лопаточкой, а потом поверхность особым камнем-пемзой обработал. Высушил готовую доску, протер ее... Теперь готово. Надо браться за краски.

Достал Агей из мешочка разноцветные камешки. Они были собраны им у далекого Бородавского озера: красные, зеленые, белые, фиолетовые, голубые, оранжевые. Растир их мастер в специальных деревянных плошках-горшочках и развел порошок на яичном желтке. В одной плошке получилась красная краска, в другой — зеленая, в третьей — оранжевая и много других. Готовы краски. Можно рисовать.

Сначала художник сделал на доске чуть заметный рисунок и на нем слегка наметил краски. Потом по всему рисунку прошелся темной краской, подправляя и улучшая его. И вот настало главное дело: художник начал накладывать краски...

Много труда живописец затратил. Но к условленному сроку исполнил заказ.

Видит Бруин: на доске в верхней части изображен небесный белоснежный многоглавый город и прекрасный сад, а внизу — земля с зелеными лесами и лугами, голубыми реками и озерами, звери мохнатые, рыбы чешуйчатые, птицы пернатые, а также города и селения и множество людей...

— Признаться, я ведь сам — художник, — говорит Бруин. — К тому же много видел картин и рисунков других художников. Но то, что я сейчас вижу, для меня любопытно очень. Где ты, мастер, научился такой живописи?

— А у меня и отец, и дед, и прадед — все были живописцами, — отвечает Агей. — Наше дело от отца к сыну передало.

— А много ли еще в Вологде художников? — спрашивает Бруин. — Или более нет никого?

Агей рассказал, что в древности в Вологде много было живописцев, целые роды: Дементьевы, Поповы, Сергеевы, Автономовы. Лет сорок-пятьдесят тому назад около ста живописцев в городе работало. Всю улицу занимали — Иконной она называлась.

— А сейчас живописцев стало менее, — посетовал Агей. — Вот и я не знаю, учить ли живописи сына. Приходит в упадок наше дело. И заказов стало мало. И оплата небольшая.

— Живописец ты отличный, — похвалил его Бруин. — Вот тебе еще оплата, дополнительная.

Вышли Бруин и Иван от Агея, а навстречу им Генрих Клюк идет. Поздоровался он с Бруином, а на Ивана и внимания не обратил, считая ниже своего достоинства здороваться с простым человеком.

— Скоро ли вы, господин Бруин, отыщете обещанные сокровища? — спросил он с кривой улыбочкой. — Анна Гутман, по-моему, начинает терять терпение...

— Дело двигается, господин Клюк, — ответил Бруин. — А пока не хотите ли взглянуть, что мы с Иваном приобрели?

— Извольте, сочту за удовольствие взглянуть.

И Иван приподнял на руках доску с живописью и показал ее Клюку. Тот смотрел, смотрел и говорит:

— Не понимаю я таких художеств. Вверху-то понятно — небесный город. А скажи мне, — обратился он к Ивану, — что это за дома да башни внизу?

— Внизу, — показал Иван, — великий город Царьград. Подальше — Москва, а в углу доски — наша Вологда.

— Так, так... — усмехнулся Клюк. — А что на этой доске за твари между деревьями и люди между домами и башнями?

— Как я понимаю, — пояснил Бруин, — это все живущее на земле.

— Такого не бывает! — возмутился Клюк. — Не может Царьград очутиться рядом с Москвой и Вологдой. Не могут собраться вместе все земные твари и все люди.

— Видите ли, господин Клюк, — в этом-то и есть секрет живописца. Для него все едино: и твари, и цветы, и леса, и воды, и птицы, и рыбы, и звери, и люди, — возразил ему Бруин. — А слышите, господин Клюк, как краски звучат?

— Краски звучать не могут. Не морочьте мне голову! — еще более рассердился Клюк.

— Взгляните и прислушайтесь... — сказал Бруин. — Вот холодный голубой цвет, он звучит спокойно и возвышенno. Рядом зеленый — он теплее, звучнее. А огненно-красный цвет — яркий, громкий. Оранжевый говорит о чем-то непривычном, неслыханном. Золотой цвет как будто все объединяет, согласует.

— Я не слеп и не глух, господин Бруин, — заявил Клюк. — И ничего подобного я не вижу и не слышу. И мне в лавку пора.

Сухо попрощавшись, Клюк пошел в сторону.

— Что ты на это скажешь? — спросил Бруин у Ивана.

— Господин Бруин, — ответил Иван — ты теперь все видишь, слышишь и понимаешь. Тебе теперь нашими сокровищами владеть можно.

Генрих Клюк, оказывается, пошел не в лавку, а в дом вологодского палача.

Рыжеволосый палач сидел в это время дома в мрачном настроении и от нечего делать подсчитывал в полуоткрытую дверь, сколько прохожих пройдет мимо его дома. «Одна голова, — считал он прохожих по головам, — вторая голова, третья, четвертая, пятая... Ох, сколько еще голов сидит на своих плечах!»

И тут к нему пожаловал Генрих Клюк. Он уважительно приветствовал палача:

— Мое почтение, господин палач!

— Мое почтение, господин купец!

— Почему грустен, господин палач? Почему тоскуешь?

— Как не тосковать, господин купец... Работы нет. А без работы человеку нельзя — душа болит.

— Правильно говоришь, — поддакнул Клюк — Не ценят тебя здесь в Вологде, не понимают.

— Где им, лапотникам, меня понять! Разве в Вологде приличную работу найдешь? Вот выпорол на той неделе воришку-карманщика — и все. Да разве это настоящее дело для мастера? Тьфу! — плонул от досады палач.

— В столицу тебе надо уезжать, — посоветовал Клюк. — Там ты смог бы показать себя и свои способности развел.

— И уеду, — заявил палач. — Они еще меня в Вологде вспомнят, они еще пожалеют! Не буду хвастать, но прямо скажу — свое дело я знаю. Я ведь не простой палач, а заплечных дел мастер.

— Есть серьезное дело, — сказал Клюк. — Надо бы привезти одного человечишку. Конечно, за хорошую, за очень хорошую плату, — и начал что-то шептать палачу на ухо. Шептал, шептал, а потом спрашивает: — Что ж... принимаешь заказ?

— Принимаю, — отвечает палач. — Только цена будет двойная.

— Отчего же? — изумляется Клюк.

— Оттого что — иностранец. Как-никак, а все же заграничная голова!

— Для меня-то он не иностранец вовсе, — говорит Клюк. — Но не будем спорить. По рукам! Только выполний заказ скорее.

Вот ведь еще какие бывают на свете заказы...

На следующее утро Иван привел Бруина к Софийскому собору, отсчитал от собора тридцать шагов к реке и, оказавшись на Соборной горке, топнул ногой.

— Здесь копай, господин Бруин, коли хочешь... Но только сначала ты должен подарить своей Анне и воина-змееборца, и покрывало кружевное, и живопись Агей-художника — такое условие. А я свое дело сделал.

Поблагодарил Бруин Ивана и подал ему кошель с монетами.

— Осчастливили ты меня,— обрадовался Иван.— Да я сейчас прямо, не мешкая, в село Устье поеду, как на крыльях полечу, выкуплю из неволи Олену-девицу. А тебя, господин Бруин, век благодарить буду.

Распрощались они по-дружески. Иван побежал в дорогу собираться. А Бруин зашел домой, взял изделия, исполненные вологодскими мастерами, и направился в дом Гутманов.

Но не застал он Анну дома. Служанка ее сказала, что, мол, барышня гулять с господином Клюком ушла... Не понравилось это Бруину, но вида он не подал.

— Передай эти подарки госпоже Анне,— наказал он служанке.— А еще скажи: я завтра у нее буду.

И Бруин вернулся домой. Ночью ему предстояло важное дело: клад искать.

А надо сказать, что с момента приезда Бруина в Вологду прошло уже немало времени. Настал июнь, месяц белых ночей. А белой ночью — это всем известно — темноты почти не бывает, так что искать клад вполне подходяще. Все видно.

И вот уже белая ночь спустилась на город. Бруин завернулся в оранжевый плащ, взял лопату и пошел на Соборную горку. Отыскал здесь заветное место. Что ж... можно начинать. От волнения сердце сжалось. Что-то сейчас будет?

Бруин нажал на лопату. Копнул раз, другой, третий... И вдруг — ух! — провалился в какую-то яму. Упал, но быстро вскочил на ноги и схватился за рукоять шпаги. Только видит — это обыкновенная яма, не глубокая даже. Никакой опасности. И подземного хода не видно.

Но вот что-то есть под ногами. Бруин нагнулся и поднял со дна ямы небольшую старую шкатулку. Она очень легко раскрылась. Бруин думал, что увидит драгоценности, но в шкатулке ничего, кроме записки, не оказалось. А в записке были написаны такие слова:

«Не ищи сокровища в земле, они уже в твоих руках». И все.

Задрожал от ярости Корнилий де Бруин. «Обманут! Обманут! Обманул меня Иван», — решил он. В гневе выхватил шпагу, повернулся и закричал грозным голосом:

— Клянусь! Я убью тебя!

Это и спасло ему жизнь. Как раз в этот миг к Бруину подкрадывался сзади какой-то человек в черной одежде и с ножом в руке. Но, увидев, что Бруин вооружен, и услышав его

угрозу, в ужасе бросился бежать прочь. Это был палач, наемный убийца.

Но Бруин даже не преследовал его. Он был слишком взволнован и расстроен.

9

Нет, не хотелось на следующее утро Корнилию де Бруину идти в дом Гутманов, не хотелось признаваться, что клад не найден.

Бруин медлил. Тянул время. Но в полдень решился — все равно идти надо...

Когда подходил к дому Гутманов, с удивлением услышал, как из открытого окна далеко разносится веселый смех Анны. Потом Анна запела что-то веселое...

В передней Бруина встретила служанка и очень радушно приветствовала его.

- У госпожи Анны хорошее настроение? — спросил Бруин.
- Преотличное настроение, — ответила служанка.
- И по какому поводу?
- У нее для этого два повода.
- Какие же, если не секрет.
- Во-первых, у нас утром был господин Генрих Клюк. Он просил госпожу Анну выйти за него замуж.
- И она? — похолодел Бруин.
- Она ему отказалась.

Бруин даже не пытался скрыть своей радости, но ему явно не терпелось узнать и второй повод.

— А во-вторых, — сообщила служанка, — ей очень понравились ваши подарки. Да идите же вы к ней! — заторопила она гостя.

У золотоволосой Анны Гутман были счастливые глаза. Они смотрели на Корнилия де Бруина любовно и благодарно.

— Господин Корнилий де Бруин, — сказала Анна, — спасибо вам! Это такие превосходные подарки: и деревянная скульптура, и живопись. А какие кружева... Все модницы Амстердама и Гааги лопнут от зависти, когда их увидят. А самое главное — я поняла: это и есть вологодские сокровища. Вот он, оказывается, какой вологодский клад!

Тут и Бруин начал кое-что понимать. «Значит, не обманул меня Иван», — подумал он, учтиво кланяясь Анне и цепляя ее руку.

А что было далее, описывать подробно не стоит — и так все ясно. Добавлю только, что 17 июня 1707 года Корнилий

де Бруин и Анна Гутман на небольшом судне, называемом баркой, отплыли из Вологды, чтобы по рекам Вологде, Сухоне и Северной Двине добраться до Архангельска, а оттуда на большом корабле по морю плыть до своей родины — Голландии. Там они поженились и жили счастливо.

*
* *

Легенда о том, что в Вологде зарыт клад и спрятаны сокровища, долгие годы жила среди вологжан. Двести и даже сто лет назад многие в это верили. Находились люди, которые начинали копать землю на Соборной горке, тратили время и силы впустую.

А вологодские сокровища никто в землю не зарывал и не прятал. Это — дошедшие до нас из давних времен изделия вологодских мастеров из дерева, серебра, камня, старинные кружева, древняя живопись и многое другое.

Но это надо уметь — их увидеть!

Голубянка

Летнее солнечное утро. В широкие окна веранды заглядывают зеленые листья и красные ягоды бузины. На ветке раскачивается веселая птичка трясогузка. Она смотрит к нам в окно и как будто спрашивает: «Ну что вы там делаете?»

Мы приехали в деревню к нашим знакомым вчера вечером — моя семилетняя дочка Оля и я. Вечером уедем в город, домой, но впереди у нас целое воскресенье. Сейчас мы собираемся пойти в лес. Оля берет с собой сачок.

— Зачем тебе сачок? — спрашиваю я.

— Ловить бабочек! — отвечает она.

Мне это не нравится. Я говорю Оле, что бабочек можно ловить, если собираешь коллекцию, если хочешь изучить их, а ловить просто так, ради удовольствия, не нужно.

Но Оля надувает губы: ей хочется испробовать новый сачок, подаренный недавно подругой. И я не хочу спорить.

— Ладно. Коли есть сачок, бери. И пошли скорее.

Мы выходим на крыльцо. Перед нами — зеленый луг, он весь в цветах — красных, желтых, оранжевых, синих. За лугом зеленой стеной стоит лес. Мы идем по тропинке.

Стрекочут веселые кузнецы. Деловито жужжат пчелы. Порхают бабочки.

Оля вскинула сачок. Раз! И поймала бабочку-голубянку.

Оля, конечно, не знала историю голубянки. А эта история очень не простая... И ее стоит рассказать подробнее.

Началась она с того, что на кусте, который рос недале-

ко от деревни на опушке леса, появилась гусеница, довольно неприятная и прожорливая. Ничто, кроме еды, не интересовало ее. Она без конца грызла листья и думала только об одном: как приятно жить на свете, потому что можно есть, есть, все время есть...

Как-то под вечер она сидела на самом краешке листа, грызя его. Дунул сильный ветер. Гусеница не удержалась на листе и сорвалась вниз. Она упала в траву, и тут ее нашел хлопотливый муравей. Он очень обрадовался гусенице, пощекотал ее своими усииками и закричал на своем муравьином языке: «Сюда! Сюда! Я корову нашел!» И сразу прибежало еще несколько муравьев, и все они кричали радостными голосами:

- Как хорошо!
- Он корову нашел!
- Какая отличная корова!
- Теперь полакомимся!
- Доите корову!

Гусеница сначала очень испугалась, но вскоре успокоилась: ведь муравьи не причиняли ей никакого вреда. И, более того, они приятно щекотали ее своими усииками. От удовольствия на спине у гусеницы выступили какие-то капельки. Муравьи начали слизывать эти капельки и снова закричали:

- Корова доится!
- Она хорошо доится!
- Какое вкусное молоко!

Гусеница подумала: «О какой корове идет речь? Неужели обо мне? Но почему они называют меня коровой? И о каком молоке они кричат?» Она не была умна. Но, подумав, все же догадалась: «Это для муравьев я являюсь коровой. И когда они щекочутся, то так они меня доят. А эти капельки на спине для них молоко. Что ж... мне все равно. Я не против — пусть меня щекочут».

А муравьи потащили ее к муравейнику — он был недалеко от куста. Гусеница не сопротивлялась. Она даже сама ползла к муравейнику. Ей было безразлично куда ползти. А муравьи только подталкивали ее. В пути для отдыха они сделали несколько остановок, и муравьи кормили гусеницу кусочками листьев. Гусеница с жадностью пожирала еду и думала: «А они полезны — муравьи. Они понимают, что мне нужно много и вкусно есть. С ними можно иметь дело».

Ночь она провела в муравейнике, и ей здесь понравилось. В муравейнике было темно, сытно, тепло и безопасно. Здесь она встретила много других тлей и гусениц.

Наутро, после спокойной ночи, муравейник пришел в движение. Известно, что муравьи очень трудолюбивые. У них никто не ленится, все работают, причем каждый занят своим делом. Есть муравьи-строители: они чинят муравейник, строят в нем помещения, возводят новые этажи, ведь муравейник — многоэтажное, сложное сооружение. Есть муравьи-воины: они несут охрану. Рабочие муравьи заготовляют еду. А муравьи-пастухи занимаются своим стадом. Так что все с утра заняты.

И в это утро муравьи-пастухи стали выгонять из муравейника свое стадо. Если вспомнить, пастухи-люди, начиная день, делают то же самое: они выгоняют скот на луга, и он там пасется.

У муравьев-пастухов были около муравейника излюбленные пастища — на траве, под кустами, у корней деревьев. Сначала муравьи вынесли из муравейника бестолковых тлей, зажав их в челюстях, но осторожно, чтобы не повредить. Потом выгнали гусениц.

Выгнали они на свежий воздух и нашу гусеницу. Она сразу набросилась на травинку, и грызя ее, уже ни на что не обращала внимания. А муравьи-пастухи следили за стадом, чтобы оно не разбрелось, а также охраняли своих тлей и гусениц от других насекомых и чужих муравьев.

И так повторялось каждый день. Нашу гусеницу кормили, пасли, доили. Она жила в муравейнике и была довольна. Даже мечтала иногда: «Хорошо бы съесть весь луг! А еще лучше — весь лес».

Но однажды, когда она вгрызлась в свежий лист, который ей принесли муравьи-пастухи, рядом с ней опустилась красивая бабочка, нежно-коричневатая в крапинках, как будто перламутровая. Лишь мгновенье посидела бабочка рядом с гусеницей и упорхнула. «Ишь, летает... — с завистью подумала гусеница. — Хорошо ей...»

И ей стало как-то тревожно. Она даже перестала есть. «Неужели, — подумала она, — надо жить для того, чтобы только питаться? Она сама еще не знала, что ей нужно. Но жить, как прежде, ей уже расхотелось.

И ночью она продолжала думать: «Какая я толстая, зеленая, жадная, противная... Нет, не хочу быть такой, не хочу. Надо что-то делать...» Она вся напряглась и внезапно превратилась в маленькую личинку-куколку, закутанную в тонкие и плотные нити. «Вот и хорошо! — подумала куколка. — По крайней мере теперь я не так противна».

Муравейник продолжал жить своей трудовой жизнью, на

куколку никто не обращал внимания. Она неподвижно лежала в темноте и была довольна, что теперь никто ее уже не называет коровой. Она отдыхала, она спала... Это был глубокий спокойный сон. Но неужели стоило рождаться на свет для того, чтобы только спать? И куколка проснулась, она вспомнила, как огромен мир, как ярко светит солнце, как цветут цветы и шумят листья... «Нет, не хочу я больше спать», — решила она и снова вся напряглась. Еще усилие — и она превратилась в бабочку. Муравьи вели себя как ее друзья: они помогли ей освободиться от лопнувших нитей, окутывавших ее.

Теперь она стала бабочкой. Увидев впереди свет, она выбралась из муравейника, расправила крылья, посушила их в солнечных лучах и... взлетела.

Ах, кто из нас не мечтал взлететь ввысь! Раскинуть руки и плыть в высоте... Я тоже, когда был маленьким, все хотел взлететь к белым облакам.

Я даже сочинил об этом стихи:

Куда хочу,
Туда лечу.
Над крышами,
Афишами,
Домами
И садами,
Над ветками,
Над кепками,
Над всеми головами,
Над стареньkim колодцем,
Над рощей и рекой,
Под солнцем, под солнцем,
Над нашею землей!
Над нашею землей,
Над всякой суетой...

Но сейчас речь идет не обо мне, а о нашей знакомой, которая сначала была гусеницей, из гусеницы превратилась в куколку, а из куколки — в бабочку-голубянку.

Она стала совсем другим существом. И мир вокруг нее, где было так ослепительно ярко, шумно, пестро и интересно, показался ей совсем другим, чем раньше. В восторге она летала над лугом и впервые видела, как много здесь цветет прекрасных цветов: белых ромашек, голубых незабудок, алых гвоздик, желтых лютиков, синих колокольчиков и многих-

многих других. И каждый цветок как будто звал ее: «Ко мне! Ко мне!»

С цветка на цветок летали пчелы, шмели, осы и другие насекомые. Вокруг порхало множество бабочек: желтые и белые лимонницы, черные крапивницы, зелено-коричневые репейницы-капустницы, серо-розовые ленточницы, бархатисто-черные траурницы. Да разве всех перечислишь!

Но цветов хватало всем. И голубянка начала порхать с цветка на цветок, радуясь каждому из них. Она лакомилась сладким соком-нектаром из цветочных чашечек и незаметно для себя самой переносила на своих лапках и крыльях с одного цветка на другой цветочную пыльцу — мельчайший порошок, очень нужный цветам, чтобы расти и в будущем давать семена. То же самое делали и другие насекомые вокруг. Все они, перенося пыльцу, помогали цветам расти и выращивать семена.

Целый день голубянка летала над лугом. Уже под вечер она, устав, опустилась на лист репейника и увидела на соседнем листе серую бабочку-репейницу, с потрепанными крыльями, утомленную и как будто даже больную.

— Что с вами? — спросила голубянка. — Вы как будто нездоровы?

— Да, милое дитя, — ответила репейница. — Я очень и очень больна.

— Но почему? — удивилась голубянка. — Ведь вокруг так хорошо!

— Ты еще многое не представляешь, — сказала репейница. — А я уже отжила свою жизнь. Видела ли ты что-нибудь, кроме этого луга?

— Нет, — ответила голубянка. — А вы разве видели еще что-нибудь?

— Ох, уж эта молодость... — вздохнула репейница. — Что видела я? Я прилетела из далекой страны — из Индии. Какие там огромные и ароматные тропические цветы! Какое там жаркое солнце! Какие там леса — вечнозеленые, густые! В них — гордые пальмы, бамбук, кофейное дерево и много-много других красивых, причудливых деревьев. А какие там бабочки! Есть больше наших птиц. Но всего не расскажешь... Это надо видеть.

— Почему же вы прилетели из этой далекой Индии? — спросила голубянка.

— Потому, что здесь — моя родина, — ответила репейница. — И ты даже представить не можешь, как был далек и труден мой путь. Я летела над огромными лесами и высочен-

ными горами, над городами и селами, морями и реками. Да разве я одна... Многие бабочки улетают зимовать на юг, а потом возвращаются на родину. Сколько нас гибнет в пути — не сосчитать! Но все равно мы летим на родину. Вот и я прилетела и счастлива этим. Но силы уже оставили меня. Мой конец близок. Прощай!

И она замолчала. Чтобы не тревожить ее, голубянка перелетела на соседний куст и там провела ночь. А утром она снова полетела от цветка к цветку, радуясь всему вокруг. Вспомнив о репейнице, голубянка решила: «Надо посмотреть, что стало с ней». Она порхнула к репейнику и — раз! — попалась в сачок.

*
* *

Беспомощно билась голубянка в пальцах у Оли. Ей было страшно и больно.

— Отпусти бабочку, — сказал я Оле.

— Но почему? — Оля была явно обижена на меня.

— Потому что ей, как и тебе, хочется жить, — пояснил я. — Ведь ей было так непросто превратиться из безобразной гусеницы и неподвижной куколки в красивую бабочку.

Оля внимательно посмотрела на меня, разжала пальцы, и бабочка радостно взлетела ввысь.

Мы пошли по тропинке дальше, и я рассказал дочери историю бабочки-голубянки.

Навстречу новой книжке

Была белая ночь. Я читал книжку.

За окном цвела белая и синяя сирень. И было светло, хотя приближалась полночь.

Вдруг мне послышалась какая-то легкая возня рядом. Я оглянулся, мне показалось, что кто-то копошится под нашим диваном, стоявшим около стены. Но кто? Помилуйте, кто может быть под диваном?

Но все же там кто-то был. Сначала раздалось легкое чиханье. А потом, к моему удивлению, из-под дивана кто-то вылез.

Этот кто-то был маленький и забавный.

Он сказал мне:

— Здравствуй!

— Здравствуй! — ответил я, узнавая что-то знакомое.

Этот кто-то снова чихнул и заметил:

— Пыль под диваном надо вытираять каждый день. А вы ее вытираете не каждый день. Вот и приходится чихать.

— Правильное замечание, — согласился я и спросил: — А ты что... живешь под диваном?

— И совсем не под диваном, — с некоторой обидой произнес кто-то. — Я живу нигде.

— Да кто же ты? — удивился я.

— Тебе можно было бы уже догадаться, — сказал кто-то. — Я — тот, которого ты еще не написал.

— Теперь мне все ясно, — понял я наконец. — Ты — тот самый мой сказочный герой, про которого я еще не успел написать. Тебя еще пока, собственно, нет.

— Да, меня еще пока нет,— сознался он.— Поэтому я живу нигде, говорю и думаю ни о чем, играю в ничего, пишусь ничем, вижу и слышу ничего и не делаю ничегошеньки.

— Ах, вот как,— удивился я. Взявшись за голову, с очень умным видом я глубоко-глубоко задумался и произнес: — А что мне с тобой делать?

— Если ничего не будешь делать,— довольно сердито произнес тот, которого я еще не написал,— смотри, залезу опять под диван и скроюсь.

— Нет, погоди. Не залезай,— остановил я его.— Ты мне подскажи, чего бы тебе хотелось?

— Я хотел бы совершить путешествие по твоей книжке.

— Какое путешествие? По какой книжке? — спросил я.

— Однако ты очень непонятливый,— сказал тот, которого я еще не написал.— А все очень просто. Ты напишешь новую книжку, а я по ней попутешествую. А сейчас я пойду навстречу твоей новой книжке.

— Но ведь она еще не написана!

— Тот, которого ты еще не написал, вполне может пойти навстречу книжке, которую ты еще не написал. Для меня это совсем не трудно,— сказал он и исчез.

Да, он исчез — тот, которого я еще не написал, который живет нигде, говорит и думает ни о чем, играет в ничего, пишется ничем, видит и слышит ничего и не делает ничегошеньки.

Может, он залез под диван? Я нагнулся и заглянул туда. Под диваном никого не было.

И я подумал: наверное, тот, которого я еще не написал, на самом деле отправился навстречу моей книжке, которую я еще не написал.

Я подумал так и решил на этом закончить эту книжку, чтобы начать новую, еще не написанную.

СОДЕРЖАНИЕ

Ничего обыкновенного	5
Оранжевая звезда	6
Тайна моря	80
Девочка-наоборот	83
Хотеть невозможное	91
Вологодский клад	100
Голубянка	119
Навстречу новой книжке	125

**Аринин Владимир Иванович
ОРАНЖЕВАЯ ЗВЕЗДА**

Редактор В. К. Лиханова
Оформление художника Г. Н. Бурмагиной
Художественный редактор В. С. Вежливцев
Технический редактор Н. Б. Буйновская
Корректор Н. К. Галкина

Сдано в набор 3.I.1979 г. Подписано к печати 20.III.1979 г.
Форм. бум. 60×84/16 (бумага офсетная). Физ. печ. л. 8.0. Усл. печ. л. 7,44.
уч.-изд. л. 6,332. Тираж 50 000. Заказ № 214. Цена 40 коп.

Северо-Западное книжное издательство,
Вологодское отделение, Вологда, Урицкого, 2
Областная типография, Вологда, Челюскинцев, 3.

40 коп.

